

ISSN 0131-5994

РОВЕСНИК 9
1982

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Сентябрь, 1982 год, № 9

В НОМЕРЕ:

К 40-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР:
ОЧЕРК «ЕДИНОЕ НЕБО»

МИР В 2000 ГОДУ: АНКЕТА
«РОВЕСНИКА» И ЗАПАДНОГЕР-
МАНСКОГО ЖУРНАЛА «ШТЕРН».
ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ:
«КТО ОН ТАКОЙ?», «РОК «НОВОЙ
ВОЛНЫ»

Вот уже девять лет в Чили бесчинствует режим Пиночета. Девять лет ни на минуту не затихает борьба чилийских патриотов против фашистской диктатуры. И как бы далеко от родного дома ни занесла их лихая судьба, они — в строю борцов, они верят — народ победит! На первой странице обложки: чилийский ансамбль политической песни Иванковского интер-дома.

Фото Г. МАЛАХОВА

4. А. Поликовский. ЕДИНОЕ НЕБО
8. ОБ ЭТОМ ГОВОРИЛИ НА XIX СЪЕЗДЕ ВЛКСМ
13. Лидия Симмонс. ГОД В КЛАССЕ
16. Жозе Гомеш Феррейра. Я ХОЧУ ЩАВЕЛЯ
18. Э. Л. Грановская. ЧТО ОТРАЖАЕТСЯ В ЗЕРКАЛЕ
18. В. Макаров. ЖЕЛАННАЯ, ЛЮБИМАЯ...
21. Т. Казавчикская. ИСТОРИЯ ОДНОГО ЧЕСТОЛЮБИЯ
24. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
26. КТО ОН ТАКОЙ?
28. А. Троицкий. РОК «НОВОЙ ВОЛНЫ»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ (ответственный секретарь)

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 15.07.82. Подп. к печ. 19.08.82. А03351. Формат 84×108^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1 000 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1276.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографик: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

БЕРЛИН. В столице Германской Демократической Республики состоялась молодежная демонстрация за мир, число участников которой превысило 150 тысяч. Голубые блузы (форма Союза свободной немецкой молодежи) заполнили одну из центральных площадей города — площадь Бебеля.

На снимке: митинг молодых борцов за мир на площади Бебеля. На лозунгах написано: «Против оружия НАТО — политику мира!»

ТЕГУСИГАЛЬПА. Студенты Гондураса продолжают борьбу против правящей хунты за право на образование. Здесь состоялись массовые студенческие демонстрации, участники которых потребовали провести реформу общеобразовательной школы, дать автономию университетам и положить конец преследованиям прогрессивных преподавателей. Студенческие выступления в Гондурасе — одна из форм политической борьбы молодежи против режима хунты, стремящейся «оглушить» молодое поколение, сделать из него послушных наемников для подавления свободы как в Гондурасе, так и за его пределами.

ДОРТМУНД. Университеты и школы, городские кварталы и улицы Федеративной Республики Германии объявляют себя безъядерными зонами. Вот как это было в Дортмунде. Участники движения за мир выпустили листовки с призывом к жителям Курцештрассе, расположенной в западной части города, продемонстрировать волю к миру и объявить свою улицу безъядерной зоной. Затем был проведен опрос: большинство семей, живущих на этой улице, поставили свои подписи под призывом.

На снимке: один из жителей Курцештрассе прикрепляет табличку, на которой написано: «Улица, свободная от ядерного оружия».

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ЯССЫ. Старейшему сельскохозяйственному учебному заведению Социалистической Республики Румынии — Сельскохозяйственному лицей в Мирославе исполнилось 150 лет. Научные исследования и рекомендации лицей находят применение в хозяйствах республики. Об этом рассказывалось на юбилейной научной сессии, состоявшейся в лицее.

ТОКИО. В девятой статье японской конституции, принятой в 1946 году, говорится,

права создавать вооруженные силы. Но в последние годы под диктовку Вашингтона правительство приняло резкий курс на милитаризацию страны. В конце 1981 — начале 1982 года США потребовали, чтобы Япония взяла на себя ответственность «за оборону Ближнего Востока и других жизненно важных для Запада областей». Растет японский военно-морской флот, растут сухопутные силы, военный психоз принял невиданные после 1945 года размеры.

На снимках: японские военные корабли на маневрах; парад сухопутных войск.

СОФИЯ. 1982 год — год семидесятилетия Димитровского коммунистического союза молодежи и столетия со дня рождения Георгия Димитрова. Болгарские комсомольцы активно участвуют во всех акциях прогрессивной молодежи нашей планеты во имя мира и дружбы народов. Этой же цели служат и традиционные международные мероприятия Димитровского комсомола у себя на родине, такие, как Европейский туристский центр молодежи и студентов, фестиваль политической песни «Алый мак», Европейский семинар молодых аграрников, международная молодежная бригада имени Георгия Димитрова.

что японский народ в искреннем стремлении к миру, основанному на справедливости и порядке, отвергает войну, а также силу или угрозу силой как средства решения своих споров с другими государствами. Согласно конституции Япония не имеет

МАПУТУ. Руководство Организации мозамбикской молодежи обратилось с призывом к молодым мозамбикам принять активное участие в подготовке к IV съезду партии ФРЕЛИМО, который намечен на конец 1982 — начало 1983 года. По всей стране организуются молодежные бригады, которые вносят большой вклад в выполнение государственного плана, многие из них восстанавливают предприятия в районах, пострадавших от нападений вооруженных банд из ЮАР. Молодые мозамбикцы вступают в ряды народных дружинников, создают гражданские патрули.

ПОРТСМУТ. Более трех тысяч молодых американцев приняли участие в демонстрации протеста против политики нынешней администрации Белого дома. На митинге выступили представители профсоюза «Виадиспетчеров», которые были уволены по личному распоряжению президента Рейгана. Линия «жесткой руки» по отношению к борцам за гражданские права, отмечали ораторы, достаточно четко характеризует методы правительства в области внутренней политики, а авантюристический внешнеполитический курс Вашингтона ставит под угрозу мир и жизнь на нашей планете.

На снимке: участники демонстрации в Портсмуте.

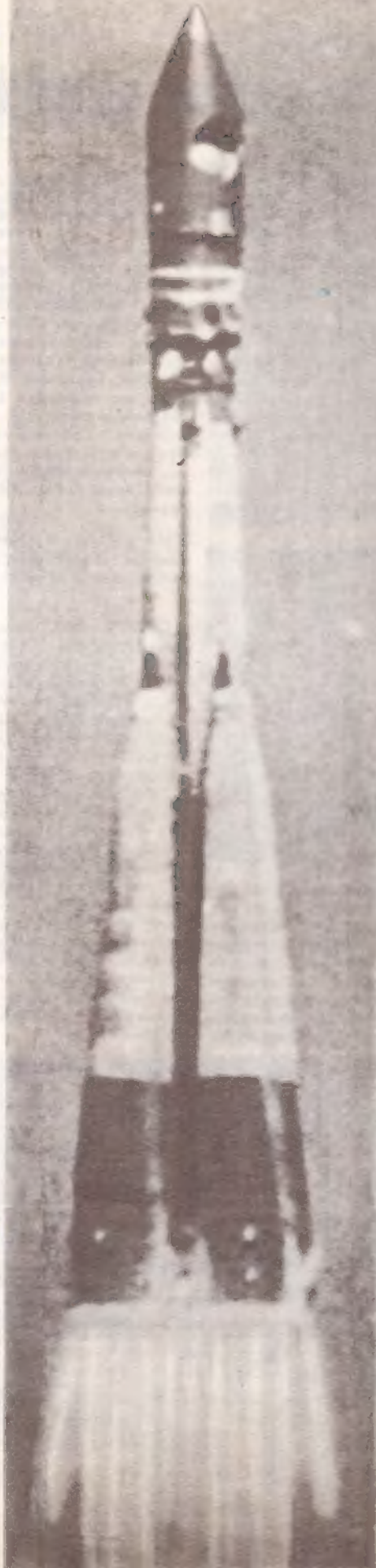
ТЕЛЕГРАФ

История покорения неба — одна из самых замечательных страниц истории Союза Советских Социалистических Республик, символ его движения вперед и выше, все вперед и выше.

На снимках (по часовой стрелке): 1938 год. Герои Советского Союза В. С. Гризодубов, П. Д. Осипенко, М. М. Раскова, совершившие на самолете АНТ-37 «Родина» рекордный беспосадочный полет Москва — Дальний

ЕДИНОЕ НЕБО

«Через четыре минуты начало!» — предупреждает голос, усиленный динамиками. Курсанты подкручивают ручки у экранов и усаживаются поудобнее. То же самое делают сейчас летчики, сидящие в комнате по другую сторону коридора. «Начинаем...» Звук деловых, быстрых голосов наполняет в ту же секунду зал, как выпущенный из бутылки. Посмотрим, что происходит на одном из экранов. Прочерчены концентрические круги, каждый — это 5 километров, всего кругов 8. Один самолет (Як-42, как следует из переговоров диспетчеров) стоит в самом центре экрана, на аэродроме, и ждет разрешения на взлет. Три самолета (Ан-24, Ил-18, Ту-154) двигаются с разными скоростями к разным концам экрана, и еще три (два Ту-154 и Ил-18) идут в одной зоне близко друг от друга к аэродрому. Цель диспетчера: не задерживая сверх расписания Як, посадить три самолета один за другим, а три уходящих довести благополучно до отметки 40 километров и передать на другой экран другому диспетчеру. Семь самолетов — это очень большая нагрузка. На практике диспетчерам редко приходится так работать. Точки движутся медленно, но неумолимо. В том-то и суть — в воздухе самолет остановиться не может. Диспетчер должен ощущать расстояния между самолетами, как мы ощущаем расстояния в своей кухне, безошибочно. Представьте себе, что вам нужно вдеть семь ниток в семь движущихся в разных направлениях иголок, и вы поймете, что чувствует парень, сидящий перед экраном.

Восемь часов утра ваш корреспондент в сопровождении Шведченко идет к тренажеру «Тренер». Вдвоем они проходят по темноватому, неоновыми лампами подсвеченному коридору мимо высоких дверей, за которыми находятся ЭВМ и «летчики», то есть те люди, что исполняют в учебной игре роли командиров экипажей, не имея на самом деле ни экипажей, ни самолетов. Самолеты — это точки на голубоватых в размер телевизионных экранах, установленных в зале. На столах — переговорные устройства. На мониторах светятся цифры: скорость ветра, давление... В дальнем конце на черном табло, вроде стадионного, надписи: Москва, Луга, Пулково; там даны характеристики аэродромов, которые сегодня участвуют в игре.

Все это объясняет Владимир Шведченко, студент третьего курса факультета УВД (управление воздушным движением) и один из редакторов газеты «Импульс». Он сам многократно работал на тренажере. Шведченко — спортивного вида молодой человек со светлыми волосами и уверенными жестами.

Восток; 1922 год. Кунцево. Курсы пилотов-аэронавтов; 1937 год, июль. Москвичи встречают героев перелета Москва — Северный полюс — США В. П. Чкалова, А. В. Белякова и Г. Ф. Байдукова; 1935 год. Самолет АНТ-25 на аэродроме; 12 апреля 1961 года. Москва приветствует первого в мире космонавта — гражданина Советского Союза Ю. А. Гагарина.

Старая, проржавевшая баржа с фонарем в тумане. Эту баржу подняли со дна океана и поставили на прикол у берега как волнораз. Вечером берег пустынен, океан ворочается и вздыхает, скрытый туманом, как невидимый огромный морж. Безлюдный берег, баржа и фонарь... Владимир Шведченко и сам не знает, почему рассказывает именно это, когда речь зашла о его родных местах.

Надо было просто посмотреть ему в глаза, чтобы понять, что он совсем не так уверен в себе, как кажется на первый взгляд. Сидя с ним рядом, разговаривая, видишь мальчишеское лицо с россыпью веснушек и большими пунцовыми ушами...

Мама сама подбирала ему книги. Он вспоминает, какого цвета были переплеты. Зеленый Бальзак, серый Джек Лондон. Был еще голубой Бунин, но он его не прочел, в чем ему стыдно признаваться. «Я многого не читал, у меня есть пробелы...» — оправдывается он и достает из кармана кителя записную книжечку с ручкой, чтобы записать сказанные корреспондентом в утешение слова французского летчика Жоржа Гинемера: «Ничего не потеряно, если потеряно не все». Мама учила записывать умные мысли в специально предназначенную книжечку.

Жила-была в Приморском крае деревня Семеновка. Сопки, поросшие лесом, вокруг. В 50-е годы деревня выросла, и объявили среди жителей конкурс на лучшее название для нового города. Одна школьница предложила — Арсеньев, в честь писателя и путешественника. «Но мы часто говорим до сих пор: «У нас в Семеновке», — добавляет он, стесняясь и все же гордясь.

Как ниточка в лампе, светятся в его памяти последние школьные месяцы. Каждый день длился долго под раскидистым небом цвета выгоревшей лагури. Он хотел уехать из дома. Почему? «Ну... хотелось трудностей...» — растерянно отвечает он сейчас, не уверенный, что его поймут. Собирался в Киевский институт гражданской авиации, отец уговаривал в Ленинградскую академию на факультет управления. Но он не хотел. Отец всю жизнь интересовался научной организацией труда, пятнадцатилетнему сыну подкладывал почитать руководства для директоров заводов. Может быть, хотел, чтобы сын стал руководителем, начальником. Но в юности родительские желания — это то, от чего мы отталкиваемся, чтобы (как нам кажется) полететь. Еще он хотел уехать из дома потому, что в нем было чувство человека, выросшего на самом краю. Страна лежала не вокруг него, а вся на запад, вся перед ним. Нравилось щемящее чувство тоски, которое заранее возникало от предстоящей разлуки с домом и любимой девушкой. И вот науру — отъезд. Ухо-

дя вечером прощаться с ней, он попросил отца («Я всегда был слаб в составлении бумаг») написать для него заявление в киевский институт. Пришел в час ночи по пустым улицам под черным небом, продырявленным фонарями, и упал в кровать до половины шестого, когда вскочил и бодро прыгнул, как в воду, в суету предъотъезда. Глянул на заявление, написанное рукой отца и лежавшее на столе: «Начальнику ордена Ленина Ленинградской академии...» «Папа, что это значит?» — «Попробуй все-таки как я говорю, а?» И от воодушевления, которое владело им в то утро, от любви, которую он чувствовал к родителям, сопкам, небу, от счастья и щедрости человека, который начинает новую жизнь, забыл вмиг все свое прежнее упорство и согласился.

«Ни одного полета без технической неисправности». Под таким девизом проходил работа на тренажере Ту-154, куда теперь, расставшись с Владимиром Шведченко, направляется корреспондент. На ежегодную подготовку в академию прибыли польские летчики Тадеуш Хабровски (командир), Лешек Бартчак (второй пилот), Славомир Вардзала (штурман), Стефан Пшемеченки (бортмеханик). Инструктор Виктор Лукьянов объясняет им, какие действия должен предпринять экипаж в тех или иных случаях. «Инструкцию надо знать. Но... был такой фильм, в начале века организовали перелет через Ла-Манш. У германцев не было летчика. Кайзер вызвал усатого кавалериста: «Лети!» — «Как?» — «Вот тебе том инструкций, выучи и лети!» Тот выучил, полетел, а над Ла-Маншем у него движок встал. Он — листать том, а там этого нет! Понимаете? Ну добрей!»

В темной комнате установлена носовая часть Ту-154. Впереди висит экран. Магнитофон под самолетом ревет турбореактивными двигателями. Полоса на экране движется. Бартчак берет штурвал на себя, уходит вниз ряды елочек у аэродрома, корреспонденту хочется схватиться руками за кресло, он ждет легкой перегрузки, но ее нет.

«ПОЖАР ПРАВОГО», — вспыхивает табло. Тишина, наполненная однообразным гулом, взрывается десятками польских слов. Минута, в которую говорят и щелкают тумблерами, — и по-русски, чтобы понял Лукьянов там, «на земле»: «Пожар потушен!» — «Все хорошо сделали!» — доносится далекий голос. — Считаем, что пожара не было, остановка двигателя производилась в учебных целях. Запускаем двигатель...»

Затем некоторое время проходит в сонном, спокойном полете, когда самолет лежит на курсе и летит, кажется, сам. Вдруг крик второго пилота: «Авиагоризонт не работает!» Это прибор с крупным циферблатом, где

по двухцветному коричнево-голубому полю плавают белая тонкая линия. Она показывает положение самолета относительно горизонта. Сейчас эта линия медленно опрокидывается. Несколько коротких фраз, и вновь тишина, но иная, будто добавили в воздух озона. Прибор, по которому Бартчак ведет самолет, замечен без объяснений, поэтому что притягивает к себе внимание всей команды. Маленький черный циферблатик со стрелкой-коротышкой словно выступает вперед из компани других приборов. Стрелка авиагоризонта встала в диком положении, если верить ей, мы летим, задрвав одно крыло вверх и опустив другое к земле. Мы приближаемся к аэродрому.

Но вдруг не выпускается передняя стойка шасси. «Польский борт, нижний край облачности 60 метров», — говорит с «земли» Лукьянов. «Коэффициент сцепления троечка». Это значит, что на земле дождь, полоса мокрая, самолет идет в тумане. Двигатели режут с натугой, хотя на магнитофон записан, наверное, ровный и одинаковый шум. Бартчак передвигает штурвал осторожными движениями. Вдруг (опять вдруг) одно за другим происходят два события: загорается табло «ПОЖАР ПРАВОГО», и прямо на нас вылетает из белой мути полоса, поблескивающая неприятно, мокро, серо... Крик в кабине. Самолет вываливается на полосу сбоку, нос рыщет, самолет пересекает полосу и выходит на нее теперь с другого боку, нутром тут чувствуешь, что такое выйти на полосу не на той скорости, самолет носит над полосой, как сундук по полу каюты во время шторма. Эти метания над полосой занимают три секунды, довольно длинные, и вот команда Хабровски: «На второй круг!» — и Бартчак резко берет штурвал на себя; как непохоже это его движение на прежние, ласковые и маленькие... Нос самолета — рыскавший и болтавшийся над полосой, вот-вот клюнет — резко уходит вверх, земля исчезает, и чувствуешь облегчение.

Летим на второй круг. Опять темнота, тишина, рев моторов. Открывается дверь, и входит Лукьянов, что удивительно, ибо мы сейчас идем где-то на высоте 600 метров. «Ты не прав, Тадеуш! Надо было сажать!» Лукьянов взволнован, он повторяет опять с нажимом, видно, что его тревожит случившееся: «Надо было сажать, Тадеуш! Ты понимаешь? Пять лишних минут в воздухе с горящим мотором... А ведь были уже у земли, сели бы так или иначе, ну, выкатились бы за полосу...»

Это уже было в одном из полетов. Кончается полоса, что само по себе непривычно, ждешь толчком, тряской, грохота, а ничего не случается. Ту катится ровно по буграм и колдобинам...

Почему же полоса появилась, когда летчики ее не ждали? Это они узнают потом, на разборе. «Я ведь все обра-

нул, — скажет Лукьянов. — Задал общечеловеческую задачу, а дал 30. Ошибка диспетчера».

Но корреспондента не будет на разборе, потому что программа его распланирована гостеприимными хозяевами по минутам, и в два часа дня, так и не успев пообедать, он входит в музей академии в сопровождении Натальи Сафроновой, которая одновременно является и заведующей музеем, и его единственным штатным сотрудником. Эта деловая и общительная женщина с бесхитростным милым лицом налетала 5343 часа как бортпроводница. Пройдем вместе с ней по четырём залам музея.

Здесь представлена не только и не столько история академии, сколько история авиации в СССР. История авиации связана тысячами нитей с историей страны.

Образование СССР воспринималось людьми в начале 20-х годов именно как переход к качественно новому этапу в развитии экономики: ручьи сливались в реку, начиналась Великая Стройка. Каждое большое движение всегда имеет свои символы. Символом довоенных лет, лет строительства и энтузиазма, был, безусловно, самолет. Недаром самолеты получали названия «Советский Союз», «Родина», «Наш ответ Чемберлену». Это был действительно наш ответ, потому что зачастую деньги на самолет собирались всем Союзом. Старые люди помнят, что по улицам больших городов ходили в 20-е годы студенты с алюминиевыми кружками на холщовых ремнях и агитировали людей пожертвовать гривенник на строительство самолета. Те первые самолеты — Р-1, У-1, АНТ-3 «Пролетарий» — строились на деньги московских рабочих, казахских крестьян, украинских школьников...

Авиация, всерьез возникшая у нас практически вместе с СССР, и сейчас является той областью, которая по размаху и четкости работы вполне может символизировать весь Союз. Хотя символом теперь скорее является ракета, уходящая к звездам. А романтический ореол авиации поблек. Это неизбежно, когда дело расширяется, охватывает все новых и новых людей. В 1955-м гражданская авиация перевезла 3 миллиона пассажиров, в 1980-м — 103 миллиона. Две эти цифры свидетельствуют о способности авиапромышленности и Аэрофлота к энергичному развитию, к освоению огромных объемов перевозок, а это, в свою очередь, немаловажно без отличных самолетов и летчиков, которые были бы верхом профессионализма. Этот профессионализм приобретается и здесь, в классах, и на тренажерах академии, которая пропустила через себя весь командный состав Аэрофлота. Чтобы не быть голословным: на Украине работает 503 выпускника академии, в Казахстане — 144, в Армении — 61, в Поволжье — 221, в Москве — 370, на Северном Кавказе — 203...

«В зрелом социалистическом обществе успешно развивается единый народнохозяйственный комплекс — материальная основа братской дружбы народов СССР», — сказано в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования СССР». Гражданская авиация — часть этого единого связующего комплекса.

Ровно в 16.00 наш корреспондент забирается по шаткой желтой лесенке на борт самолета Ил-18. Налево — кабина, направо — салон, и корреспондент отправляется, конечно, в кабину и переступает ее порог с замиранием сердца. Ибо корреспондент, как тысячи мальчишек во всех городах и деревнях страны, мечтал стать летчиком, но увя... И вот много лет спустя после того, как стало ясно, что летчиком он не будет, он стоит в дверях кабины и с робким восторгом смотрит на команду, готовящую самолет к полету. Он сотни раз представлял себе кабину, изучал по книжкам, как расположены приборы, и на летчиков смотрел всегда снизу вверх. И сейчас корреспонденту трудно избавиться от впечатления, что его вот-вот выгонят отсюда и что он всем мешает. Это обычное ощущение ничем не занятого человека среди людей, занятых делом. Идет проверка оборудования.

Как ветер в трубе, режут прогреваемые моторы.

«Рули, триммеры!» — «В порядке!» «Шасси?» — «В порядке!»

Рев утончается, делается протяжным, и самолет толчком, качнувшись на всех трех шасси, снимается с места и катится медленно по светлой от солнца бетонной полосе. Вместе с двигающимся самолетом разматываются, как лента, слова команды:

«Противоблестенители!» — «В порядке!»

«Высотомер РВ?» — «В порядке!»

«Авиагоризонты?» — «В порядке!»

«Автофлюгер?» — «Проверен. Исправен».

Волнующей музыкой звучат эти команды для того, кто с детства мечтал летать.

Штурман приносит из салона ящик, ставит его на единственное свободное место в кабине — между собой и радистом: «Садись!» Дает корреспонденту наушники: «Будешь слушать, что говорит команда!» Рукой хлопает по подлокотнику своего кресла: «Держаться!» А рев двигателей становится еще плотнее, и в наушниках звучат, сменяя друг друга, несколько мужских голосов, из которых один особенно отчетлив, тогда как остальные возникают из треска и гула. Отчетливый голос — это диспетчер.

«576-й, посадку разрешаю!»

«441-й к взлету готов!» — «Понял!» Щелчок, пауза.

«441-й, ветер такой-то, в районе полосы отдельные птицы... взлет разрешаю» — «Вас понял!»

Мы ждем, летчики откинулись на спинки кресел, вытянутые руки лежат на штурвалах. В левом командирском кресле — летчик-инструктор Артеменко, он снял китель и остался в белой рубашке с черным галстуком и, заранее зная, что на высоте сияет солнце, достает темные очки. Он надеет их, когда мы взлетим, и станет похож на киногероя, невысокий мужчина с маленьким жестким ртом. В правом кресле — худенький паренек в джинсах и маечке, венгр Имра, инженер, бывший планерист, осваивающий в СССР новую для себя профессию. В узкое лобовое стекло виден холм с радаром, лесок, поле до горизонта. Свет лежит на земле и холодно колыхается.

— Не облака, а ревань какая-то, — говорит сам себе штурман.

— 8598-й, принимаю исполнительный...

— А что, 523-й стоять здесь должен? — слышен издали из-за гула голос Артеменко, который сидит в полуметре от корреспондента. Щелчок, пауза.

— 523-й, вас понял, ветер такой-то, коэффициент сцепления такой-то...

— К взлету готов!

— Взлет разрешаю!

Перед бортмехаником — четыре рукоятки с бежевыми пластмассовыми головками. Он сдвигает их, сначала первую и третью, потом вторую и четвертую. Еще громче режут моторы, будто находишься среди разъяренных медведей. Самолет дрожит. Корреспондент держится за подлокотник. Пошла полоса, покатила назад, и сразу же в ушах зазвучал голос штурмана: «Скорость растет. Сто десять. Сто тридцать. Сто пятьдесят. Сто семьдесят. Рубеж». И корреспондент почувствовал, что его слегка придавило к ящику, и увидел, что нос самолета идет вверх, в просторное, прохладное, необозримое, розово-голубое небо, а бетонная полоса вдруг очутилась метрах в пятнадцати внизу, и не успел он удивиться быстроте, с какой самолет набирает высоту, как полоса и вовсе исчезла и в боковую форточку накрепко зафиксированного самолета вошла нежно-зеленая, пыльно-коричневая земля.

Но это еще не конец. Вечером корреспондент идет в комнату общежития, где редколлегия газеты «Импульс» изготавливает очередной номер. Здесь он снова встречается с Владимиром Шведченко, который сидит на подоконнике и вырезает буквы. На полу набросаны бумаги, из открытых банок пахнет краской. Корреспондент садится рядом со Шведченко и берет последнюю в этот день интервью. «Не знаю, — говорит Шведченко. — Может, поеду в Ростов, там новую систему в аэропорту установили. Может, еще куда... Диспетчеры в каждом аэропорту нужны. Страна большая... Нет, не знаю...»

А. ПОЛИКОВСКИЙ

ОБ ЭТОМ ГОВОРИЛИ НА XIX СЪЕЗДЕ ВЛКСМ

На снимке: митинг на Комсомольской площади в Москве перед отъездом на молодежные стройки Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XIX съезда ВЛКСМ.

Фото С. ВЕТРОВА

**ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА АН СССР
АКАДЕМИКА А. П. АЛЕКСАНДРОВА
НА XIX СЪЕЗДЕ ВЛКСМ**

Вы все будете жить в XXI веке. И как вы будете жить, зависит главным образом от вас же самих. Потому что вы сами готовите себе почву для вступления в этот новый век. Старшее поколение подготовило для вас хорошие исходные позиции, и дальше уже все в громадной степени зависит от вас. Ваш труд и ваше творчество создадут лицо этого нового века.

Жизнь идет чрезвычайно быстро, чрезвычайно интенсивно развиваются сейчас наука и техника. Вспомните, что произошло при вашей жизни. Выход человека в космос! Вы уже привыкли к этому! Вот сегодня у нас летают спутники, космические корабли, в них живут люди.

Масса других открытий тоже родилась уже при вас: атомная энергетика, например. В 1954 году мы построили маленькую станцию мощностью в 5 тысяч киловатт, сегодня огромные атомные электростанции питают электроэнергией нашу страну. Сейчас они еще не имеют решающего значения. Но топливно-энергетические ресурсы нашей планеты не вечны. Физики разработали атомную энергетику, способную обеспечить все нужды человечества на тысячелетия. Эти вопросы решаются теперь, при вас!

При вас побежден ряд заболеваний, появилась вычислительная техника, множество различных направлений науки и техники. Как пойдет дело даль-

ше, зависит, товарищи, от вас, от вашего творчества, от вашего труда. Конечно, многое зависит и от того, как обеспечивается сама возможность существования людей на нашей планете.

Мы должны принести огромную благодарность нашему Центральному Комитету, Леониду Ильичу Брежневу, который с первого дня войны провел ее в самых опасных местах, на самых тяжелых позициях. Он хорошо знает на примере своей жизни, какой огромный ущерб во всех смыслах приносит человеку война, и все силы вкладывает в то, чтобы обеспечить вам и всем людям Земли возможность жить в условиях мира.

Сейчас вы живете в совершенно других условиях, чем мы жили в вашем возрасте. Первая задача, которая была поставлена Великим Октябрем, — избавить народ от бедности, от подневольного труда, — решена успешно. И вы к этому привыкли так же, как и к успехам космонавтики. Сейчас очень многое зависит от того, как вы будете понимать и выполнять лозунг партии — сделать все для благосостояния трудящихся, для гармоничного развития личности каждого.

Иногда считают, что этим лозунгом определяется главным образом материальная сторона. А он ведь гораздо шире! И вы будете обеднять себя, если станете трактовать этот лозунг только в материальном смысле. Нельзя сползать к мещанству. Развитие ваших духовных и творческих возможностей, знаний, участие в техническом творчестве, глубокое знание литературы,

искусства — это то, что гораздо больше обогатит вашу жизнь, чем какое-нибудь сверхмодное платье или мебель, любой мотоцикл или автомобиль!

Не лишайте себя огромного духовного богатства культуры, науки, искусства, которые открыты перед вами сейчас трудами старшего поколения. Все зависит от вас. Если вы будете об этом думать и все свои силы направлять на то, чтобы освоить великое духовное наследие, созданное старшими поколениями, будете вносить свой творческий вклад в развитие нашей великой Родины, нашего народа, тогда ваша жизнь будет счастлива, полна, и именно такой жизни я всем вам хочу пожелать!

МИР 2000 ГОДА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ

Анкета журнала «Штерн»

Йорг ФИШЕР,
ФРГ

2000 год? Ну ладно. Итак, 2000 год. Насквозь отравленный воздух, очень-очень много безработных. Нет рыб в загрязненных реках. Нет старых жилых домов. Их заменили стоечными бетонные дома с атомными бомбуемыми жидкостями. Машины похожи на ящики на колесах с электрическим двигателем. Полным-полно атомных электростанций. Демократии нет, политики правят без народа. Исчезли деревья. Долина Амазонки превратилась в пустыню. Зверей можно увидеть только в зоопарках. Пищу готовят в микроволновых печках, но в основном она в

АКАДЕМИК А. П. АЛЕКСАНДРОВ: ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ВАС

ШКОЛЬНИЦА САША СМИРНОВА: У МОЛОДОСТИ ДОЛЖНО БЫТЬ БУДУЩЕЕ

бежных сверстников. Они ведь тоже имеют право на будущее, но, судя по ответам на анкету журнала «Штерн», не уверены в нем, просто не верят в него или представляют как какую-то далекую и вряд ли осуществимую мечту. Некоторые из них, рисуя его в воображении, думают: вот так было бы хорошо, честно, справедливо, но они ошибаются, потому что и воображение их, и представления о справедливости отравлены, изуродованы ложью, которую вдалбливает капиталистическое общество в головы молодых.

Что я имею в виду! Сейчас объясню, хотя это станет понятно и без моих объяснений каждому, кто прочтет, как итальянская девочка Констанца Марино решила помочь тем, кто страдает и умирает от голода, предлагая отдать народам бедных стран то, «чем разбрасываются там, где нет голода». Можно поверить: Констанца хотела как лучше, но не подумала, что ее предложение оскорбительно, позорно и несправедливо, особенно если вспомнить, как на протяжении веков капитализм грабил те самые страны, которым она предлагает отбросы со стола богатых. Стоит задуматься и над мрачной картиной будущего, нарисованной французской Изабель Дюпи: «Все будут ненавидеть друг друга. Только в воспоминаниях останутся леса, птицы, голубое небо... Жизнь станет ужасной, увеличится число самоубийств... Каждый будет жить в страхе перед мировой войной...» И она заканчивает свой ответ на анкету: «Кошмар». И правда кошмар. Мы на такое будущее никогда не согласимся. И я еще раз хочу сказать: «Да, мы счастливые, потому что мы вступаем в жизнь, подготовленную для нас поколениями революционеров, борцов за новое общество, наших отцов, матерей. А эти ребята из «Штерна» сегодняшнюю жизнь своего общества просто перенесли в будущее. Для них этот ужас, ненависть, тревога, эта тоска — повседневность, потому что они еще не нашли ответа на вопрос, как бороться за другое будущее. И, говоря об этом с горечью и болью, хочется пожелать им найти этот ответ, как нашла его девочка из социалистической Болгарии, ребята из развивающихся стран, которые отвечали на анкету «Ровесника».

РАЗМЫШЛЕНИЕ ДЕЛЕГАТА XIX СЪЕЗДА ВЛКСМ, УЧЕНИЦЫ 9-ГО КЛАССА ШКОЛЫ № 420 (МОСКВА) САШИ СМIRНОВОЙ

Когда на XIX съезде комсомола президент Академии наук СССР Анатолий Петрович Александров говорил о будущем, в котором жить будем мы, я еще ничего не знала об анкете западногерманского журнала «Штерн». Эту анкету мне показали позже, в редакции журнала «Ровесник». И она вдруг по-новому помогла мне понять то, что я чувствовала, слушая речь Генерального секретаря нашей партии товарища Леонида Ильича Брежнева. Отчетный доклад ЦК ВЛКСМ, выступления своих това-

рищей: я подумала, какие же все мы счастливые! Мы — делегаты съезда, мы — комсомолцы, мы — советская молодежь. Счастливые, потому что у нас есть высокая и прекрасная цель, потому что нам предстоит своим трудом и своей волей добиваться ее осуществления, потому что у нас есть будущее!

Читатели журнала могут сказать: «Подумашь, сделала открытие: у нас есть будущее! А как же иначе! У молодежи всегда есть будущее». И они будут правы с той только оговоркой, что у молодежи должно быть будущее. Но есть оно не всегда и не везде. И в этом можно лишний раз убедиться, прочитав высказывания наших зару-

виде таблеток. Радио и телефон не существуют, вместо них у каждого будет видеотелефон, чтобы было видно того, с кем говоришь. Из-за нехватки жилья будет очень много бездомных.

Питьевая вода отравлена химическими отходами. В Северном и Балтийском морях уже никто не купается, потому что вода в них из-за большого количества затонувших танкеров с нефтью загрязнена и отравлена. Космические лаборатории не только на Луне, но и на Плутоме. Они будут летать на атомных двигателях и перевозить пассажиров.

Оливер УИЛСОН,
Великобритания

В 2000 году не нужно будет ходить в школу. Детей учат с помощью телевизоров, подсоединенных к домашним компьютерам. Школьные завтраки заменят вкусные таблетки с привкусом клубники. Завтраки в школе сейчас такие невкусные, что можно сойти с ума, как подумашь, что они останутся такими же и в 2000 году.

Физическую работу будут выполнять роботы, всякую другую — компьютеры. Людям практически будет нечего делать, и потому появится новый школьный предмет: «Что мне делать с моим свободным временем?»

Люди не будут умирать от рака, не будет даже простудных заболеваний. Никто не станет больше гадать: кто же родится, мальчик или девочка, потому что детей по заказу станут выращивать в ретортах в специальных лабораториях. Может быть, наконец, удастся выращивать девочек, которые не хихикают. Мне кажется, что люди все-таки останутся глупыми вот в чем: они будут по-прежнему жениться и выходить замуж.

Двигатели автомобилей будут работать на электричестве или на атомных батарейках. Каждый будет носить в рюкзаке устройство, с помощью которого можно будет подняться в воздух и перелететь через транспортную пробку. Конечно, тогда уж нужно подумать и о дорожных знаках для передвижения по воздуху. Иначе и наверху возникнут пробки.

Король Чарльз уедет из Соединенных Штатов Европы в Австралию, а из Букингемского дворца, наверное, сделают большой танцевальный зал.

Мы научим марсиан играть в крикет. Деньги красть больше не будут (разве что только у бедных), потому что богатые люди будут все покупать по кредитным карточкам.

Перенаселение перестанет быть проблемой, потому что можно будет жить в орошенных пустынях, конечно, если к тому времени военные и политики не уничтожат планету. Но кому он нужен, этот 2000 год? Я тогда уже буду стариком.

Коррин МИЛЛЕР,
США

Я думаю, что домашнее хозяйство в 2000 году мало изменится, разве что легче будет приготовить пищу и навести чистоту. Закупка продуктов будет отнимать меньше времени, потому что кассиров заменят компьютеры. Люди будут пользоваться видеотелефонами, и можно будет видеть того, с кем говоришь, даже если он будет на другом конце земли. Тогда уж нужно будет приводить себя в порядок, если ждешь телефонного звонка.

Будет больше свободного времени, и люди смогут больше путешествовать. Для любителей путешествий будет больше машин, самолетов, поездов и автобусов. А чтобы не было перебоев с бензином, изобретут новые источники энергии, ну, например, атомный двигатель. Пусть не забудут подумать о том, как надежно избавляться от ра-

диоактивных отходов. Ведь ядерная энергия — это и благо и проклятие одновременно. Если использовать ее для дурных целей, она может привести к трагедии, в результате которой погибнут миллионы людей и будут разрушены целые континенты. Я очень беспокоюсь за мир на планете. Меня также волнует, что у населения слаборазвитых стран не будет продовольствия. Я боюсь, что даже самая современная технология не сможет уничтожить голод в этих странах.

Но, несмотря на все проблемы, XXI век будет иметь много преимуществ и даст возможность более интересно проводить свободное время и уделять больше внимания семье. С интересом и радостью я жду 2000 год.

Орит ТАЛЬ,
Израиль

2 января 2000 года, Тель-Авив

Я только что вернулась домой после двухдневного пребывания в гостях у моих египетских друзей. Мы летали в Каир на старой развалюхе — шаровой молнии. Полет был утомительным и долгим — целых восемь минут. По пути мы пересекли то, что когда-то было Синайской пустыней. Какая же это теперь пустыня? Она стала райским уголком Ближнего Востока, ухоженным, благоухающим, цветущим садом. Вместо песков — ковер из цветов до самого моря. В Каире мы катались на хорошем автомобиле. Я вспомнила свое детство, когда нужно было стоять в очереди у бензоколонки. А теперь нужно просто бросить в бак для горячего две таблетки — и поезжай. Как хорошо, что мы избавились от нефтяных кризисов. Только в Саудовской Аравии нефть продают во флакончиках как ностальгический сувенир для туристов.

Вечером мы приехали в Александрию, и мой ручной компьютер засигналил: «Сильвестр! Сильвестр!»¹ И тогда мы все вместе, арабы и израильтяне, гуляли и праздновали до рассвета.

Какой же сюрприз ждал меня, когда я проснулась! Огромный торт, много цветов, а вокруг меня все мои друзья с Ближнего Востока, из Европы и Америки. Это был мой день рождения. Я смотрела на друзей и думала о том, что еще 20 лет назад мою страну и арабские государства разделяли ненависть и война. Теперь мы живем в друж-

¹ Ночь Нового года. — Примеч. пер.

бе и мире. Робот Герри принес нам завтрак. Это был чудесный день. Мы гуляли и разглядывали красивые светящиеся витрины.

Вечером наши друзья проводили нас в аэропорт. Три минуты — и мы дома. Когда мы шли на посадку, я смотрела вниз на дома, парки, заводы моей родины. Как хорошо возвращаться домой! Тогда я вдруг подумала: а ведь у меня большая родина. У меня есть дом, где я всех люблю и все любят меня. Мой дом — это весь мир.

Барбара МОШИК,
Австрия

Солнечные лучи не проникают сквозь облака смога. Нет ни одного дерева. Все люди в масках. Правда, по улицам ездят автомобили с двигателями, не оставляющими ядовитых выхлопных газов. На всех заводах есть очистительные установки. Есть даже специальная «полиция здоровья», контролирующая всю страну и строго наказывающая всех, кто загрязняет воздух. Но слишком поздно. Борьба с загрязнением воздуха надо было гораздо раньше.

В 2000 году в музеях будут выставлены необыкновенные экспонаты: последние фиалки, примулы, травы... Их будут охранять как бесценные сокровища. Будет приходить множество посетителей, чтобы полюбоваться на такие редкости. С болью будут вспоминать люди те времена, когда все это росло на лугах. Миром будут править суэта, спешка, деньги, распри и жестокость. Очень редко можно будет наблюдать дружелюбие и уважение к окружающим. Найдется, может быть, несколько людей, которые будут противиться этому модернизированному и механизированному миру. Если бы сегодняшняя молодежь стремилась к более простой жизни, она была бы в состоянии создать более естественный и здоровый мир, который я представляю себе так.

Наконец-то признано, что техника не всегда идет на пользу обществу. В городах чистый воздух. Вокруг всех домов цветы. Детям отданы прекрасные площадки для игр, парки, лужайки. Молодежь веселится в прекрасных молодежных центрах, а стариков не спихивают в дома для престарелых. У людей много времени для общения друг с другом. Семья — главное в обществе. Нет одиночества, горя, нищеты и голода.

Благодаря здоровой пище, не содержащей вредных добавлений и замени-

телей, будут побеждены все болезни. Люди станут добрыми, веселыми, забудут про стрессы и усталость. Государство, затратив значительные средства, обеспечит наконец всю молодежь работой. Компьютеры будут использоваться для замены тяжелого физического труда. В 2000 году мы должны иметь здоровый мир. Это было бы прекрасно.

Изабель ДЮПИ,
Франция

Города будут черными от загрязнения. Люди будут носить на улицах маски, чтобы не отравиться. Все будут ненавидеть друг друга. Только в воспоминаниях останутся леса, птицы, голубое небо. Деревья, цветы и лужайки можно будет увидеть только в заповедниках. Каждый будет жить в страхе перед мировой войной. Жизнь станет ужасной, увеличится число самоубийств. Но, несмотря на это, благодаря прогрессу медицины люди смогут жить до 150 лет. Исчезнут все классические болезни, кроме одной — заболевания кожи. 75 процентов населения будет страдать от экземы, причина которой — загрязнение окружающей среды.

В 2000 году мне будет 33 года. Я хочу стать юристом. Вот как я представляю себе свой рабочий день через 18 лет.

6.30 утра. Просыпаюсь от мелодичного звонка будильника. Иду в ванную комнату, где, нажимая на кнопку, могу менять цвет стен по своему желанию. Завтракаю ломтиками искусственного хлеба, одеваю во все белое, как и полагается людям моего класса. Среднее сословие носит одежду красного цвета, низшее — черного. Выхожу из квартиры и спускаюсь на сверхскоростном эскалаторе вниз. Надеваю маску, гармонирующую по цвету с моей сумочкой, сажусь в собственный вертолет и улетаю.

9.00 утра. Прихожу во Дворец юстиции и углубляюсь в изучение бумаг. В обед проглатываю пару пестрых безвкусных таблеток и закурываю искусственную сигарету. Вечером звоню и дома по видеотелефону подруге. После этого включаю радио, вмонтированное в кольцо на пальце. Чтобы включить его, нажимаю на изумруд, для переключения волн — на рубин. Монотонный голос говорит: «Сегодня от отравления умерли 80 человек...» Воздух такой, что его можно резать ножом. Выключаю радио: невыносимо. И так каждый день. Кошмар.

Констанца МАРИНО,
Италия

До чего же мне нравится мечтать о прекрасном! Мне бы хотелось, чтобы вместо школ были прекрасные парки для развлечений. Мы бы только ели, пили, веселились и лентяйничали. Тогда бы все взрослые, да и вообще все, кто читал «Пиноккио», говорили бы, что так мы превратимся в лентяев и бездельников.

Хорошо бы в 2000 году, а если можно, то и раньше, научиться понимать язык зверей и перестать убивать их только потому, что у них красивый мех. Мы могли бы стать друзьями со всеми зверями.

А если говорить о других вещах, то мне прежде всего хотелось бы, чтобы в развивающихся странах никто бы не страдал и не умирал от голода. Людям в этих странах можно было бы отдать по крайней мере то, чем разбрасываются там, где нет голода. Уже это хоть как-то помогло бы решить проблему голода. А еще мне хотелось бы, чтобы все развивалось в обратном направлении: не было бы больше автомашин и везде можно было бы ездить на велосипедах и на роликовых коньках. Было бы хорошо, если бы люди в 2000 году стали жить без денег. В 1982 году на это, конечно, скажут: как примитивно! А может быть, сегодняшние примитивные люди окажутся мудрецами в 2000 году!

Перевела с немецкого
С. КАВТАРАДЗЕ

Анкета «Ровесника»

Фабьон ЛАУРИСИАНО,
Мозамбик

Я думаю, в XXI веке люди не изменятся, они будут такими же, как сегодня, только все будет добрее и веселее. Потому что все богатства будут для всех. Не будет бедных и богатых. По

истории дети узнают, что были войны из-за богатства, из-за нефти, алмазов, золота, и будут удивляться: неужели это возможно? И любовь будет чистой и крепкой и не будет продаваться, как в магазине. Земля станет единой семьей. И люди будут все делать вместе. Захотят посадить сады, например в Сахаре, приведут со всего мира и вместе посадят. Я не представляю, как это всю работу будут делать компьютеры. Так ведь голова и руки станут слабыми и неумелыми, как бывает у совсем маленьких детей. Роботы будут делать то, на что жалко времени, — всякую скучную работу.

Я хочу быть журналистом. Я полечу в космос, чтобы увидеть всю землю разом, и буду писать статьи, как люди сажают сады, как строят дороги, стадионы, как веселятся... А война станет просто невозможной, не должно быть причины, чтобы воевать.

Я думаю, люди будут грустить, у них будет горе, но им никогда не будет скучно. Я думаю, скучно, когда ленится мозг. Ему лень думать.

Туан ДИНЬ АНЬ,
Вьетнам

Мне трудно мечтать, что будет через 18 лет, в 2000 году. Когда мы 30 апреля 1975 года прогнали последних интервентов с нашей земли, кто бы мог подумать, что через четыре года у нас снова будет война, нам придется защищать свои границы от китайских гегемонистов.

У нас в Ханое есть госпиталь, где лежат дети из провинции Тэннинь. Посмотрела бы девочка из Франции на них. Они уже побывали в том 2000 году, каким она его видит. Они попали под действие химических ядов, которые американцы распыляли во время войны над нашей землей, эти дети успели вырасти в госпитале, а яд остался у них в костях, в крови. Я бы так хотел, чтобы врачи придумали лекарство — вернуть здоровье этим людям.

Такое же лекарство надо найти и для земли. В школе нам говорили, что яд проник в землю на полтора метра. Так что даже маленьким детям понятно, сколько нам предстоит работы.

Я не знаю точно, каким будет 2000 год во Вьетнаме, как мы поработаем, таким он и будет, но, мне кажется, совсем не таким, как его видит девочка из Франции.

**Эмир КАРРАСКО
МУНЬОС,
Никарагуа**

Я всех приглашаю в Никарагуа посмотреть, как будет побеждать наша революция. Наше будущее не будет таким, как видит его парень из Гамбурга: «демократии нет», «очень много бездомных». У нас уже было так. Но мы сделали революцию. Чтобы наши дети могли мечтать о завтрашнем дне, не о вчерашнем. Наша революция продолжается

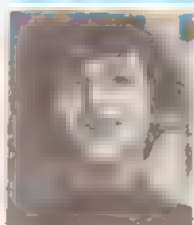

**Фадель БРЕДИ,
Ливан**

Наша сандинистская революция победила три года назад, 19 июля 1979 года. Наши партизаны, наверное, не знали, что такое видеотелефон, им в голову не приходило, что зачем-то в ванной надо менять цвет стен. Да они и ванной-то многие не видели. Но они знали, что революция должна победить. Ради детей. Когда я сегодня вижу, как мои братья утром собираются в школу, я вижу: это наша сандинистская революция победила. Но революция продолжается, у нее еще много работы. Американка боится, что «даже самая современная технология не сможет уничтожить голод». Неправда. Люди победят голод, им только не надо мешать.

Я представляю, как в 2000 году включую телевизор, а там показывают: крестьяне работают на своей земле, рабочие работают на своих заводах. Повсюду новые больницы, школы, стадионы. А вот и репортаж с детского праздника, такого, как я видел в Москве 19 мая — пионерский парад на Красной площади. А в конце программы диктор обязательно скажет: «Сегодня в Никарагуа никто не умер». Я имею в виду от пули. И так всегда будет говорить, чтобы люди помнили. А сегодня у нас еще каждый день убивают. Крестьян, пограничников, учителей, школьников. Убивают бандиты, которым США платят жалованье за убийство наших людей.

Но мы выстоим. А потом отдадим оружие в музей. Я не могу сказать, через сколько лет, но обязательно отдадим. Наши девушки снимут военную форму, потому что в платьях они красивее. А форму мы тоже отдадим в музей.

**Людмила
КАРАЛЫМОВА,
Болгария**

Я живу в Софии возле стадиона Василия Левского. У нас новый район, очень красивый. У нас есть такие тихие улицы, где мы катаемся на велосипедах и роликовых коньках. Там запрещено ездить машинам. Если я буду архитектором, я буду строить такие районы, а дома будут двухэтажные, и возле каждого сад, как я видела в Толбухино. Болгария очень красивая и будет еще красивее. Но я еще не решила, может быть, я буду врачом. Мне так нравится, что они ходят в белых халатах. А еще я придумаю что-нибудь для бабушки и дедушки, чтобы они не умирали. И вообще никто не умирал.

Мой папа придумал две новые кассы, чтобы они в магазинах работали быстрее. Он инженер. Может быть, я буду инженером. Я придумаю роботов, чтобы они все делали в доме. А то у меня совсем нет времени. Я в математическом кружке, в городском штабе пионерской дружины, еще учу немецкий. А в 2000 году у меня уже будет семья и совсем не будет времени.

Девочка из Тель-Авива, наверное, добрая, а может, просто еще ничего не знает про жизнь. Она говорит: хорошо возвращаться домой. Это правда. Но почему нет дома у палестинцев? И у меня нет дома. В него попала бомба. Сделали ее в США, а сбросил израильский летчик. Что про это знает девочка из Тель-Авива?

Когда разбомбило наш дом, погибли отец и мать. А мы с сестрами остались. Сестры сейчас в Ливане. Что с ними? Ведь пока письмо идет, их может уже убить.

Кто же скажет, пусть Синайская пустыня будет пустыней. Конечно, пусть там цветут сады. Говорят, что и Ливан был когда-то райским уголком Ближнего Востока, я этого не помню. Сколько я себя помню, мы всегда боялись. Брат отца пошел за сигаретами, всего два дома. А он не вернулся, начался обстрел, и его ударило взрывной волной. Сестра пошла на базар — ее может убить. Мать осталась дома — ее может убить. У нас в Ливане все боятся неба, потому что оттуда приходит смерть.

Надо, чтобы человек никогда не мог убить человека, ни израильтянин араба, ни араб израильтянина — никто. Я не могу, как эта девочка из Тель-Авива, сказать: «Я всех люблю, и все любят меня». Я знаю, само собой так не будет. Это мы, и я, и она, и еще тысячи нас должны так все устроить в жизни, чтобы у каждого был свой дом и чтобы весь мир был для нас домом. Я хочу только одного, чтобы не было войны.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

АМСТЕРДАМ. По данным опубликованного в Голландии социологического обследования, школьники старших классов пессимистически смотрят в будущее: 56 процентов девушек и 41 процент юношей считают, что у них вообще нет шансов найти какую-нибудь работу, не говоря уже о деле по душе. Опасения школьников отнюдь не безосновательны: почти полови-

на опрошенных социологами выпускников школ последних лет оказались безработными.

ХАНОЙ. Более девяти тысяч юношей и девушек осваивают в настоящее время один из главных молодежных объектов страны — рисовые плантации в юго-западной части Вьетнама. За десять месяцев, прошедших с начала освоения юго-запада, уже

15 тысяч гектаров целинных и залежных земель этого района стали плодородными. Перед молодежью поставлена задача освоить 154 тысячи гектаров, превратить юго-запад в крупнейшую рисоводческую область. Задача не только трудная, но и опасная, поскольку на осваиваемых землях шли бои и необходимо было обезвредить мины и взорвавшиеся сна-

ряды — наследие американской агрессии.

ТЕЛЬ-АВИВ. Новое убийство совершено на оккупированной Израилем территории Газы. По сообщениям палестинцев, вооруженные израильские солдаты ворвались в одну из школ района и открыли огонь. В результате этой бандитской акции одна старшеклассница убита и пятеро получили ранения.

ГОД В КЛАССЕ

Средняя школа имени Бенджамена Франклина расположена на 116-й улице Нью-Йорка. Ей уже почти полвека. В самом начале эта школа считалась образцовой, в ней работали выдающиеся педагоги, она была полигоном для испытаний новейших педагогических теорий. Сейчас эту школу тоже можно считать показательной в ней как в зеркале отражаются все провалы сегодняшней педагогики — от почти полной безграмотности подростков до причин, побуждающих их сбегать из школы и из дома.

6 декабря 1980 года, четверг

Обычно для того, чтобы сделать жизнь учителя совершенно невыносимой, хватает одного-двух учеников. В моем классе таких целых четыре. Я здесь с понедельника и за это время уже сто раз собиралась хлопнуть дверью. Но в последний момент меня обязательно что-то удерживает.

Рэю Колону шестнадцать лет. Эмоциональное развитие всех остальных моих учеников приостановилось где-то лет в шесть, но Рэй кажется еще младше. Он читает и пишет лучше всех в классе, но требует постоянного к себе внимания. Если я не могу предоставить ему все свое внимание в ту же секунду, он вслух обвиняет меня в том, что я его совсем забросила. Когда он тянет руку, я должна вызывать именно его, и, если я этого не делаю, он злобно хватается за свою работу, комкает его в шарик и бросает в урну, но нарочно промахивается. Потом сметает все со своего стола на пол и демонстративно выходит из класса.

Примерно дважды в неделю появляется Фрэнк Розарио. Он парень умный и учится быстро, но ему уже почти семнадцать, а он еще в восьмом классе. По всему, он пришел к выводу, что учеба — напрасная трата времени. Когда я после работы иду к метро, я часто встречаю его на улице. Он стоит в позе лэзбоя, прислонившись к чьей-нибудь машине, и, ухмыляясь, разговаривает с девочками. Заметив меня, он глуповато улыбается. В классе он все время крутится возле моего стола, будто там спрятаны какие-то мои постыдные секреты и он хочет продемонстрировать их всему обществу. Иногда на него находит стих раскаяния, и он просит прощения. Он говорит, что сейчас прямо пойдет домой и будет молиться.

«И твой бог всегда прощает тебя за то, что ты пропускаешь уроки и мучаешь других учиться?» — спросила я сегодня.

Он стыдливо крутит ручки на огромном радиоприемнике, который зачем-то приволок в школу: «Когда я молюсь, я знаю, что он простит меня. Он знает, что я ничего не могу с собой поделать — уж такой я есть!»

Безнадежно. Эта фраза — «уж такой

Лидия СИММОНС,
американский педагог

я есть!» — служит оправданием для учеников делать все, что на ум взбредет. Они произносят ее с явным облегчением — никому и в голову не приходит, что можно попытаться изменить себя.

Тим Кэйси высокий тощий парень, тоже неглупый, ходит он, смешно подпрыгивая, головой вперед. Поскольку он один из немногих белых в классе, он считает, что должен постоянно подчеркивать свои мужские качества. Он выполняет задания, но в спешке и плохо (ничего более сложного, чем простое нераспространенное предложение, он написать не в состоянии). Закончив работу, он срывается с места, бежит по классу и разрисовывает стены надписями типа: «Доктор Симмонс — корова». Потом он подсаживается к какой-нибудь девочке и начинает заигрывать с ней, демонстративно не обращая на меня никакого внимания. Иногда он выходит из класса задолго до звонка. Сегодня, после очередной бешеной вспышки Рэя, Тим спрятался за ящики с карточками и сделал вид, что спит. Я не сказала ни слова. По крайней мере, он ведет себя тихо, и я могу продолжать урок.

После уроков я вошла в комнату, где собираются все учителя английского. Я хотела узнать: что они делают с такими учениками? Но никто не желал обсуждать проблемы поведения. «Контроль над классом» — эти слова прямо как заклинание. Если у тебя нет этого контроля, ты просто в том не признаешься, ибо тот, кто не говорит о проблемах контроля, считается хорошим учителем. Наконец одна из преподавательниц — она учит чтению вот уже 16 лет — оторвалась от кофе и злобно выкрикнула: «Ради бога, прекратите! Мы не педагоги — мы уже давно никого ничему не учим. Мы полицейские. Или санитары в домах сумасшедших. Но не учителя. Забудьте это слово!»

Ну, ну Это вам не времена «Вверх по лестнице, ведущей вниз»¹. «Воспитание», «новое поколение» — сейчас эти слова звучат просто смешно.

Если бы в этом было что-то смешное

28 декабря 1980 года, пятница.

Газеты полны сообщениями о том, что с прошлого года уровень преступлений, совершенных в школах Нью-Йорка, возрос на 18 процентов. В основном это акты вандализма, поджога, нападения на учителей. К счастью, на учителей в нашей школе нападают редко (я имею в виду физически, устные оскорбления — обычное дело). Но поджогами и вандализмом мы не обделены. К концу моей первой недели здесь было разрушено 42 классные комнаты; пишущие машинки, лабораторное оборудование — все, что можно было украсть и

продать, было украдено. К концу второй недели разорили только 15 комнат, но зато столовую — подчистую. На третью неделю администрация решила просто-напросто спрятать все оставшееся оборудование. Наши вандалы от этого пришли в ярость и доломали все, что можно было доломать. Кофеварки вывернуты с корнем, окна разбиты вдребезги, книги и классные журналы разорваны.

Наконец зачинщиков поймали: это были трое парней из старшего класса, они учились лучше всех и считались «сливками общества».

15 января 1981 года, четверг

Уже полночь, я проверяю экзаменационные работы. В полшестого опять вставать и снова за проверку. Сегодня я прочла работ восемьдесят, завтра надо проверить еще примерно столько же. Большинство работ такие плохие, что меня просто отчаяние берет. Но я стараюсь исправлять каждую ошибку.

Миф сегодняшней педагогики гласит, что оценки для учащихся не имеют никакого значения, что для них-де важно одно: перешли они в следующий семестр или нет. Но, видно, мои ученики не знакомы с новейшими педагогическими теориями: им подавай оценку. Как только ученик сдает работу, он тут же начинает приставать: «Какую оценку вы мне поставите?» Они хотят знать результат сегодня же, в крайнем случае завтра.

Но они понятия не имеют, как зарабатывать эти оценки. Считают, например, что можно прогуливать месяцами и если принес справку от врача, то все в порядке: «Я же болен». Все мои слова о том, что, чтобы перейти в следующий семестр, надо знать программу предыдущего — глас вопиющего в пустыне. «У меня же справка есть!»

Рафаэлю Котти уже около двадцати, он учится в одном из моих классов. Он приходит каждый день и если не отбивает по крышке стола ритм какой-нибудь песенки реггей, то сидит тихо и смотрит тупо. Иногда я пытаюсь растормошить его, задаю какой-нибудь вопрос, но он только улыбается в ответ и снова погружается в оцепенение. Читать и писать он не умеет. Несколько раз я обращалась в администрацию с просьбой перевести его из английского класса в класс с какой-нибудь специальной программой обучения. Без толку. Он ничего не делает и не знает, чем мы занимаемся. Но Рафаэль — потому что он регулярно посещает школу — абсолютно убежден, что перейдет в следующий семестр.

Такие, как Рафаэль, совершенно не представляют себе, из чего складывается оценка за работу. Но за это их винить нельзя: они лишь жертвы нашей педагогики.

30 января 1981 года, пятница

Весь шестой урок я объясняла, что значит «высказывание, побуждающее к действию», и даже написала на доске пару образцов таких высказываний. Я повторила, что каждое подобное высказывание может касаться только одного предмета. Я подчеркнула слово «развитие» в одном из примеров и написала пару высказываний с этим словом. Повернувшись к классу, я увидела отсутствующие взоры.

Я присела на край стола и спросила: «Что случилось?» Они даже не могли объяснить, чего они не понимают. Наконец до меня дошло: многие из них считают, что достаточно произнести утвердительное предложение — и это уже я будет побудительным высказыванием. Слово «побуждение» просто не входит в их словарь. (Они тщательно переписывают себе в тетради все, что я пишу на доске, убежденные в том, что, копируя, они уже учатся. Если же я просто что-то рассказываю или читаю лекцию, они считают, что это не учеба, они не учатся ничему. И эта проблема во всех школах города.)

После уроков ко мне подошла Донна Уокер, улыбающаяся стыдливой девушкой: «Доктор Симмонс, можно с вами поговорить?» Она решила посоветоваться со мной, какой колледж выбрать. Учится она еле-еле, но все же решила получить профессию акушерки. Я уже раньше помогала ей составлять заявления в несколько колледжей и написать автобиографию. Наконец пришли ответы из двух. Один из них — колледж в Пенсильвании, где учатся преимущественно белые. Но что, если там ей придется столкнуться с расизмом? Мы обсуждали с ней этот вопрос, но в конце концов я поняла, что ее в основном не это волнует, что ей хочется сказать мне что-то другое.

Наконец она призналась. Она встречается с парнем, ему 25 лет, он хочет на ней жениться. Но вот она не хочет. Почему? Она робко глянула на меня: «Он торгует наркотиками» — «А что говорит твоя мама?» — спросила я. «Мама говорит, что ей все равно, лишь бы только я ей своих детей не подкидывала. Она устала от детей. Да и меня она никогда особенно не любила».

4 марта 1981 года, среда

В школе имени Бенджамена Франклина есть один учитель, которого все ненавидят и все боятся. Он любит подмечать ошибки других и злобно их высмеивать: он кажется самому себе ищейкой, выслеживающей и учеников и учителей.

В конце прошлого семестра ко мне перевели одну из его учениц, уже почти взрослую темнокожую девочку. В его классе она не могла ответить ни на один вопрос (ученики его ужасно боялись). Он явился ко мне за ней по пятам и

¹ «Вверх по лестнице, ведущей вниз» — книга американской писательницы Бэл Кауфман, переведена на русский язык. — Примеч. ред.

громко заявил, что «эта идиотка не сможет учиться и у вас». В конце семестра я выставила Марте высокий балл — 80. Она шла впереди всех моих учеников, ее работы были очень зрелыми, мастерски написанными. На следующий день ко мне подошел заведующий и спросил: «Неужели Марта действительно получила 55?» Я обомлела, помчалась в библиотеку и увидела, что в ее ведомости кто-то стер оценку 80 и красными чернилами поставил 55.

Я точно не знала, кто это сделал, но, конечно, догадывалась. Написала об этом письмо директору школы, но никто так этим и не занялся. Дело в том, что школе наплевать не только на своих учеников, но и на учителей. В другой школе, где я преподавала, был такой случай. Учительница открывала в классе все окна в середине января. В течение урока она по несколько раз выходила мыть руки (возвращаясь, она продолжала яростно тереть их, как леди Макбет). Она ела на уроке, читала «Дейли Ньюс» или гладела в пространство. Но дети были очень чуткими, они оберегали ее и сидели в классе очень тихо. Так бы и продолжалось, пока родители сами не поместили ее в больницу.

Но этот учитель — он вовсе не сумасшедший. Он просто злобный тип, ненавидящий людей. Но никого не волнует, какой эффект на подростков может произвести его «преподавательская деятельность».

4 мая 1981 года, понедельник

Ежегодная городская проверка на скорость чтения. Учителей лихорадит: результаты — политический вопрос. То есть они важны для политиков. Ведь от того, как читают ученики школ, входящих в их округ, зависит количество поданных на следующих выборах голосов. А вот что читают ученики и как понимают прочитанное — политикам неважно.

1 июня 1981 года, понедельник

Считается, что Кевин Рид и Джонни Адамс учатся в моем классе. Но сегодня их, как обычно, нет. Кевин отсутствовал на 36 уроках в семестре, Джонни — на 50 (за семестр я обычно провожу от 80 до 90 занятий). Если Джонни и появляется, то спит на уроке. Кевин, напротив, бодрствует.

К седьмому уроку они оба заявили и начали уговаривать меня перевести их в следующий семестр. Кевину почти двадцать, он хорошо пишет, постоянно, даже на уроках, носит шляпу, кажется, будто она приклеена к голове. Он обнаруживает поразительные знания мира за стенами школы.

Сегодня он рассказал, в чем дело. Два года назад его поймали за торговлей наркотиками в школе: он был на побегушках у какого-то взрослого. Год провел в колонии. Выйдя, он понял, что

дальше так продолжаться не может. «Дела такие», — сказал он, — что мне в колледж идти надо. А то снова на улицу и в тюрьму попаду».

Я благословила его. Но сказала то же, что и Джонни, — необходимо сделать все работы по программе. Кевин согласился и взял список работ. (Долгов у него не так много, как у Джонни.)

Джонни рассказал мне, что так уж получилось, что семье очень нужны были деньги, поэтому он устроился на работу на полный день. Это после восьми-то уроков! Ну и спал по два-три часа за ночь, вот и пропускал. История растрогала меня до слез, и я чуть было не выставила ему проходной балл. Но сдержалась: курс надо пройти.

8 июля 1981 года, понедельник

Донна выбрала колледж в Пенсильвании. Но боится, что не получит удовлетворительный балл по истории.

— Почему?

— Я не знаю. Я читала учебник, написала все работы, хорошо вела себя в классе и делала все дополнительные. Я пыталась найти причины ее страха, но она ничего не могла мне объяснить. Только пожимала плечами. В конце концов я взяла ее учебник истории и стала говорить с ней о разных событиях и людях. Бесполезно. Она только непонимающе улыбалась. Наконец она прошептала:

— Я не понимаю, что я читаю.

— Почему?

— Доктор Симмонс, я не знаю!

Я попросила ее прочесть мне кусочек вслух. Она читала, старательно выговаривая каждый звук, но бегло. Я начала кое-что подозревать.

— Чудесно! Теперь перескажи мне, что ты прочла.

В глазах у нее стояли слезы.

— Но разве вы не видите? Я не знаю, что я читала!

Вот они, эти проклятые занятия по чтению. Детей учат распознавать слово, но не понимать его. Я ругала и себя: она проучилась у меня два месяца, а я так и не поняла, что она просто не умеет читать. Это потому, что мы готовим учеников к сдаче тестов. А литературе мы не учим совсем.

В конце концов я предложила заниматься с ней каждый день после уроков. Девушке, между прочим, семнадцать лет.

19 июля 1981 года, пятница

Явился Кевин в своей приклеенной шляпе и вывалил мне на стол кипу исписанных листков — все свои долги Джонни не видно.

Рэй Колон победил на межшкольных соревнованиях по биологии. Фрэнк Розарио исчез совсем. Донна так и не стала заниматься со мной историей.

Кто я такая, чтобы делать им внушения? Я просто записываю все в дневник.

26 июля 1981 года, пятница

Последний день. Завтра каникулы. Утром, когда я разбирала свой стол, в комнату постучал Тед Моралес. Я не писала о Тед — он один из «хороших» учеников. Он работал изо всех сил, чтобы получить образование, которое, как он надеется, поможет ему вырваться из этой жизни, из этих чертовых обстоятельств.

Тед невысок ростом, очень серьезный и симпатичный парень. Как и многие другие, он болен астмой и пропускал больше, чем следовало бы. Но он выполнил все работы, прекрасно вел себя на уроках и буквально засыпал меня вопросами (Недавно он читал книгу Эриста Джонса и измучил меня вопросами о психологии и психотерапии.)

С ноября он прогрессировал потрясающе. В начале года он сшибал меня с ног сочинениями типа: «Я расскажу вам о мистере Родригесе. Он пишет заметки о природе для школьной газеты в полтретьего вечера. Они ходят в лес за дикими ягодами и корнями. Они хотят поить к мясику...» и так далее. За семестр я написала для него с десяток рекомендательных писем в разные колледжи (он, как и многие ученики школы Бенджамена Франклина, рассылают заявления сразу в несколько колледжей и обычно поступают в тот, который ответит первым). Я также помогала ему написать автобиографию. И на переменках я часто работала вместе с ним над письменными заданиями.

Сегодня он сказал мне, что его бумаги приняли сразу три колледжа и что он уже нашел работу на все лето.

Судьба Теда тоже не из сладких. Когда ему было семь лет, у него на глазах полицейский застрелил отца. С тех пор все в доме пошло наперекосяк, но Тед держался изо всех сил. Я учила его смотреть вперед, не оглядываться на страшное прошлое. Кончается год, и мне будет очень не хватать Теда.

Тед положил на стол пакет. «Что там?» — спросила я. Он потупился: «Я не смогу произнести это вслух. Это не получится. Вы прочтите. Я там написал». Я открыла пакет. В нем был флакон дешевых духов и пудра. Духи так сильно пахли, что я чуть не задохнулась, но решила про себя, что обязательно буду ими пользоваться ради Теда. «А теперь прочтите, что я написал». Я взяла карточку. На ней почти без ошибок было написано:

«Человеку, который за такое короткое время помог мне избавиться от слабостей

Человеку, благодарности которому я не могу выразить словами.

Человеку, которого я всегда буду вспоминать, стоит мне взять ручку или карандаш..

Доктору Симмонс

Тед».

Я рада, что он уже убежал. Не хочу, чтобы ученики видели, как я плачу.

Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

Мое детство испортил учитель математики Власкин. Он был выбритый человек с большим животом, в холодно поблескивающем пенсне, с застывшим выражением призора на гладких щеках. Для него мы были зверенышами в школьной форме и при малейшей оплошности дрессировщика могли выскочить из клетки съесть его живьем, украсть классный журнал, сломать его указку и написать на доске свободолюбивый лозунг: «Долой зубрежку! Да здравствует игра в салочки!»

Как правило, он ставил только нули всем подряд, с единственной целью: наверное, чтобы держать нас в постоянном страхе. А когда какой-нибудь испуганный собственной решимостью ученик не соглашался с ним, учитель не выходил из себя, нет, просто через пенсне на смельчака устремлялся безразличный взгляд, учитель брал указку и бил по пальцам, голове и одновременно как пытка капавшей водой, монотонно ронял слова, мучил ледяным голосом.

Именно этот господин отнял у меня детство, помешал мне насладиться четырнадцатью годами возможного рая на земле. Его пенсне, его резкий голос и грубый смех не дали мне свободы, вдохнуть в себя радость того, что у меня есть легкие. Я жил униженный, с тяжестью на душе, и солнце казалось язвой на небе, а дождь — слезами оплакивающими несчастья земли.

Все дети в мире хотя бы час в день резвятся на свежем воздухе, на площадке для игр и с радостью, как удивленные игрушками, любят солнце, деревьями и облаками. В отличие от них я и мои товарищи по лицу оставили радость в темной, затхлой маленькой камере пыток, где самоуверенный господин с указкой в руке приучал нас сидевших за изрезанными перочинным ножом партами, бледнеть при одном слове «теорема».

У всех нас был такой учитель. Все мы ходили в мрачные школы, где в сырых коридорах висели мокрые географические карты и классный журнал был книгой, в которой сама судьба ставила нам нули.

Все мы в детстве мечтали о том, как хорошо было бы жить в отгороженности от всех и созданном по нашему образу и подобию мире, на собственной миниатюрной планете и с другими учителями математики, далеко-далеко от этой земли.

Когда я ходил в школу, одно из моих любимых мест среди мальчишеских пристрастий занимал щавель. Я думаю об этих толстых стеблях с кислым соком, росших в парке Эдуардо VII, и в моей памяти одна за другой всплывают, как нарисованные мелом, картинки школьной жизни и бледные, как привидения учителя. Они вбивали в мою голову скучные формулировки, в то время как ослепительная голубизна неба манила выпрыгнуть в окно и полететь. Щавель тянул меня к себе как запретный плод иллюзии жизни среди дикой природы — что за сто километров от Лиссабона.

**Я ХОЧУ
ЩАВЕЛЯ**

Жозе Гомеш ФЕРРЕИРА,
португальский писатель

этого нагромождения белой штука турки

В плену у расшатанной, набитой шелухой арахиса и прочим мусором парты я мысленно преображал грустный и пыльный парк Эдуардо VII в страну дубрав и рощ с настоящими горами и реками, с птицами, поющими про запахи цветов, и таинственно темными пещерами, где растут папоротники и другие влаголюбивые растения. Но если учитель вызывал меня к доске и спрашивал определение «долины», «горы» или «равнины», я не мог извлечь из себя даже подобия ответа, язык заплеталя, и я с облегчением вздыхал, только когда меня сажали на место с обычной в таких случаях четверкой¹ в журнале. Я опять переносился в неизведанные районы своей страны, составлял планы исследований пещер и мысленно пересекал свой «Дикий Запад», где, учуяв охотника, раздувают ноздри воображаемые буйволы.

Не успевал отзвонить колокольчик с урока, а мы уже неслись вон, в парк Эдуардо VII, и успокаивались, только почувствовав траву под ногами. И тогда с криками почти животного удовольствия я нарывал большой лучок щавеля, отделяя от цветов, тщательно вытирал платком, вытягивался на солнце и принимался яростно жевать.

Мои товарищи, подражая мне, тоже «паслись», и все мы вместе, свободные люди, проводили счастливые часы, с наслаждением строя друг другу рожи. Позвольте мне говорить символами¹! Позвольте высокопарно заявить, что щавель был для нас выражением свободы. Да, свободы. Свободы завоеванной Горькой и в то же время сладкой свободы, приобретенной сегодня, как и вчера, завтра и всегда за счет бесчисленных жертв: нулей, унижения, непонимания, темных комнат, отодранных ушей, ударов указкой по рукам и пыток экзаменами.

Достаточно начать вспоминать, закрыть глаза, мысленно уменьшиться в размерах и заставить себя поверить в то, что завтра я буду трепетать от страха перед тремя господами, надменными, как и поют людям, одетым во фрак, которые будут так убийственно свысока спрашивать у меня теорему Пифагора. Стоит мне только подумать об этом, как мне хочется написать памфлет с кричащим названием «Меня унизили!»

Да меня унизили. Все то юное, прекрасное, что было в нас, растворялось в страхе. На время мы переставали быть детьми. Мы старели и горбились под тяжестью безжизненных определений и формул, водруженных на наши плечи вместо голов, медленно тащились из класса в класс.

Мы учились и учились, но наши душевные качества не становились совершеннее. Через силу, цифру за цифрой, букву за буквой мы набивали голову формулами и формулировками,

и волновали нас мелкие помыслы: как заставить шаргалками, обмануть слицемерить, обвести преподавателя вокруг пальца или принести ему записку с просьбой быть к тебе благосклонным. Мы проводили ночи напролет, изобретая «военные хитрости» и пытаясь закрепить в памяти немного случайных знаний. Случайных потому, что во времена моего детства (как и сегодня) школа была просто фабрикой преходящей и обреченной на забвение науки.

Но это было, впрочем, меньшее из зол. Хуже всего было то, что для нас экзамен был не логическим результатом девяти месяцев занятий, а обособленным событием, досадной, ни с чем не связанной неприятностью, своего рода спектаклем, смесью суда и камеры пыток, положительные результаты которого были плодом не твоих собственных усилий, а цепочкой наизустных друг на друга случайностей, где всегда чувствовалась рука судьбы.

Но тому, кто обладал качествами актера и самонадеянно и лицемерно играл свою роль на сцене у грифельной доски, бояться было нечего.

Взмах руками, и — раз! — он показывал свой номер с изысканным плутовством фокусника, достающего из пустой головы вместе с лектами нужные фразы.

А другие? Те, у кого не было призвания к игре в такого рода спектаклях? Этим несчастным оставалось только униженно выйти к доске и перед высокомерно зевающими судьями, запинаясь, проговорить свои монологи.

Другими словами, экзамен был злощастием специально для того, чтобы заставить меня забыть то немногое, не связанное ни с наукой учителей, ни с педантизмом воспитателей, чему я собственными силами учился в те годы. Я имею в виду честность, смелость иметь свое мнение, твердость характера, мужество быть самим собой и желание чего-то нового в будущем. Учителей интересовали только обрывки из книг, которые я старательно удерживал в голове. (Как бы они отреагировали, если б узнали, что я пишу стихи?)

В возрасте около пятнадцати лет меня охватило «комшательство» — я начал писать стихи на пасторальные темы. В них я воздавал хвалу звукам свирели, которых никогда не слышал, природе которую никогда не видел, и соловью ни разу не смущавшему моего сна.

В семнадцать лет, когда я был еще безусым юношей, вся природа, выраженная в стихах и переписанная в тетрадь с ботаническим названием «Горные ирисы», уже хранилась в ящике моего письменного стола. Вскоре с помощью восторженных родственников эта книга в солидной обложке появилась на витринах и вызвала несколько вялых откликов в журналах, частных к ее изданию.

В книге было двести страниц, навеянных видами парка Эдуардо VII, единственного уголка живой природы в Лиссабоне. В ней несколько раз слово «маргаритка» рифмовалось с «калиткой» и встречались другие растения,

деревенская утварь и явления сельской жизни, о которых я, конечно, имел самое смутное представление.

Но главное другое. Спустя несколько лет после публикации «Горных ирисов» я с одним из друзей отправился путешествовать по сельской местности, желая получить ее узнать.

Мой товарищ (сейчас преподаватель лицей) был моим проводником и по мере сил и знаний передавал мне свою ученость начинающего мудреца.

— Смотри, вот чертополох. Ты знаешь, какой он?

— Нет, — отвечал я в лирическом восторге от своего невежества. — Я знал только, что «чертополох» рифмуется со словом «вдох». А маргаритки? Те, которые рифмуются с калиткой. Где они?

Так я старался наполнить объективным содержанием жившие во мне звуки. Однажды мы нашли в ложине цветок сочно-фиолетового цвета.

— Что это? — спросил я, заинтересовавшись. — Я никогда не видел этого цветка.

— И я тоже, — ответил, немного покраснев, мой компаньон по изучению природы.

Несколько минут он ходил вокруг цветка, пытаясь разрешить головоломку. Может быть, это такой-то цветок, а может быть, такой-то. И кто знает, может быть, еще какой-нибудь третий. В конце концов, словно чтобы спрятать свое невежество, он положил этот таинственный цветок в карман, решив дома узнать его название.

Через несколько дней он влетел ко мне в комнату и закричал:

Ты знаешь, что это за цветок?

— Нет.

— Что, совсем не знаешь?

Нет.

— Ну, подумай!

Не знаю.

— Ну так слушай, только смотри не упади в обморок. Это горный ирис.

Когда я вспоминаю этот случай и нервно перелистываю теперь ненавистные «Горные ирисы», меня охватывает желание найти моих лицейских учителей и спросить, как такое могло случиться. А потом набить им физиономию. Да, да. Набить физиономию.

Прохвосты! Вы заставляли нас разрисовывать альбомы по ботанике, но ни разу не показали цветка, этого таинственного создания, растущего как будто на другой планете. Меня научили названиям всех косточек у соловья, но его самого я никогда не видел. О существовании соловьев я впервые узнал от моего друга.

Мир для нас был не более чем переплетением далеких от жизни понятий, заученных слов, звуков, изображений, линий, абстракций и теорем, придуманных гениальными астрономами по отношению к какой-то чужой, далекой планете с именем Земля, но которую мы должны были знать назубок, чтобы не провалиться на экзамене по географии.

Перевел с португальского
М. ДЕДУРИН

¹ В португальских школах десятибалльная система оценок. При чем пер

ЧТО ОТРАЖАЕТСЯ В ЗЕРКАЛЕ

Каждый день приходим мы, учителя, в свои школы и окунаемся в бесконечную текучку дел и забот. Но вот возможность заглянуть в сегодняшний день совершенно другой школы — школы капиталистического мира. И сразу же, с первых строк дневника-исповеди американской учительницы и воспоминаний португальского писателя, поражает качественное различие между теми проблемами и трудностями, о которых пишут они, и теми, с которыми приходится иметь дело нам, советским учителям.

Внезапно осознаю, что все, о чем рассказала Л. Симмонс, происходило всего лишь в прошлом, 1980/81 учебном году, столь привычно наполненном для нас обыденными делами и заботами: уроками и домашними заданиями, походами и пионерскими сборами, педсоветах и родительскими собраниями. И в то же самое время американские ученики крушили оборудование, поджигали мебель, нападали на учителей, а статистики спокойно вычисляли рост уровня преступности в школах. А ведь Л. Симмонс, по ее словам, пишет о показательной по своей типичности школе. Значит, типичными являются грубость и оскорбление учителей, своевольное поведение учеников на уроке, необходимость зарабатывать после полного учебного дня, расизм, с которым они сталкиваются в школах и колледжах, стремление получить образование только для того, чтобы вырваться из этой жизни, где полицейский может застрелить отца на глазах у ребенка, словом, все то, что является порождением определенных социальных условий. Усилия одного честного учителя наталиваются не только на усталое безразличное колледж, понявших, что в этих условиях они давно перестали быть настоящими учителями, во и на равнодушные все общество в целом.

Каким же диссонансом этому звучат слова Л. И. Брежневца о том, что «образование в нашей стране — часть ее жизни», и поэтому каждый учитель может видеть «со стороны общечеловечности постоянную готовность прийти к нему на помощь...», выкинуть в его заботы».

Конечно, и у нас бывают случаи, когда кто-то из учеников может нагрубить учителю, прогулять уроки, совершить тот или иной проступок. Но в характере и размерах этих происшествий — огромная разница. У нас они являются лишь отклонениями от нормы, ибо нет в нашей социальной системе таких причин, которые порождали бы их. На каждое такое отклонение сразу реагируют все: от учителя и педагогического коллектива школы до общественных организаций: советских людей остро волнует все связанное со школой.

И поэтому такое гнетущее впечатление оставляет картина, нарисованная американской учительницей, так как все описанное ею является не отклонением, а именно нормой, изо дня в день повторяющимся кошмаром.

Но самое страшное, когда школа убивает в ученике живую душу, когда все юное и прекрасное в ней растворяется во всепоглощающем чувстве страха, убивается «в камере пыток», хоронится под грудой мертвых, вызубренных знаний. Но ведь еще более 50 лет назад о буржуазной школе как о школе муштры и зубрежки сказал В. И. Ленин. Еще тогда он отметил, что такая школа, забивая головы людей массой ненужных, лишнего знания, превращает «молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников», что главной ее чертой является «полный разрыв книги с практикой жизни». И Ж. Г. Феррейра подтверждает это, гневно рассказывая о выпускниках, которые, разрисовав альбомы по ботанике, ни разу не видели живого цветка. И об этом же, по существу, пишет Л. Симмонс, рассказав о трагедии ученицы, умевшей бегло читать, но ничего не понимавшей из прочитанного. По свидетельству американской учительницы, подмена самостоятельного мышления учеников простым копированием характерна для всех школ.

Поэтому тогда же в противовес буржуазной школе В. И. Ленин обосновал один из основных принципов новой, советской школы: тесную связь обучения с жизнью во всем ее многообразии, с практикой коммунистического строительства. А одна из главных задач, поставленная им перед педагогами, — научить школьников думать, самостоятельно добывать знания. «Сотни тысяч учителей — это есть аппарат, который должен... будить мысль...» Сегодня для разрешения этой задачи разрабатываются новые методы и приемы ведения урока, совершенствуются учебники и программы. Мы понимаем, что самая большая радость, которую можно доставить ученику, — это дать ему возможность самостоятельно понять что-то новое, преодолеть трудность, прибегнуть к сложному процессу познания.

Но Феррейра обвиняет свою школу не только в том, что она не развивала умственно, но и в том, что развращала духовно. Чтобы приспособиться к ней, ученикам приходилось хитрить, врать, лицемерить, унижаться. Не было в школе места фантазии, воображению, игре. Недаром эмоциональное развитие взрослых учеников Л. Симмонс приостановилось, по ее словам, где-то лет в шесть. Сравните это с нашей школой, в которой тесно слиты обучение и воспитание, а нравственное развитие детей — одна из главных задач.

Исповедь американской учительницы и португальского ученика дала нам возможность, таким образом, не только познакомиться с современной школой на Западе, но и посмотреть как бы со стороны, в сравнении, на нашу советскую школу, почувствовать ее принципиальное отличие от буржуазной.

Э. Л. ГРАНОВСКАЯ,
учительница школы № 780, Москва

«Товарищ!

Читай эту книгу, ты будешь разговаривать с каждым из нас... Мы понимаем, что нам не хватает литературного опыта, но мы постарались точно отразить нашу действительность...»

Товарищ!

Перед тобой книга, которая называется «Поэмы из заключения». В нее вошли стихи, написанные политическими заключенными Сальвадора. Стихи нелегально переданы на свободу. Ни под одним из стихотворений нет подписи автора: подписать стихотворение — значит подписать свой смертный приговор.

Ты спрашиваешь, что такое фашизм? Я отвечаю.

Это кровавая оргия убийств, Где смерть — закон.

Это несмываемая кровь на улицах, Это болезни и голод.

Которые с каждым днем все сильнее мучают нас.

Что я хочу?

Иметь свободу, которую мы никогда не имели.

Что я хочу!

Иметь свободу, которой нас лишали.

Я хочу увидеть ее рождение

В чистом воздухе зари,

Хочу прикоснуться к ней

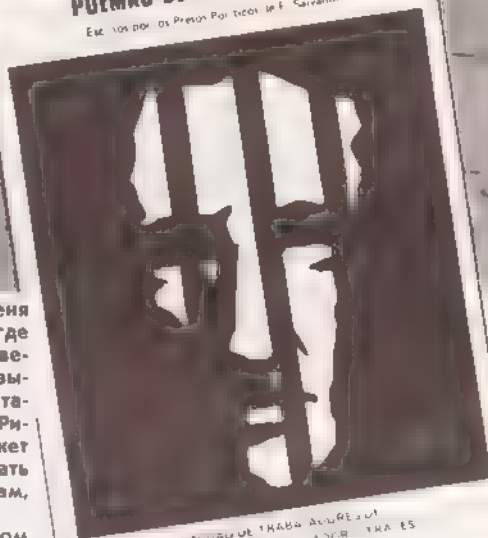
И ощутить ее тепло.

Эту книгу подарил мне друг, сальва-

POEMAS DESDE LA PRISION

Esc. los por la Preson Por todos de E. Carvajal

UN GRUPO DE TRABAJADORES
LA CULTRURA DEL SALVADOR Y LA ES
SAN JOSE COS. A. R. L. C. 1978

ЖЕЛАННАЯ, ЛЮБИМАЯ...

В. МАКАРОВ

дорский поэт. Он же познакомил меня с человеком, который был Там, где написаны стихи. Сейчас этого человека — ему двадцать два года — называют Ригоберто. Настоящее имя осталось на родине, и упоминать о нем Ригоберто не имеет права. Но он может рассказать о себе, а мы можем читать его рассказ как пояснение к стихам, написанным Там.

— Я родился и вырос в небольшом селении на западе Сальвадора в семье потомственных крестьян. Жили мы так же, как и все: едва сводили концы с концами. И все в нашей семье были революционерами, и все в нашем селении были революционерами. И поэтому, когда дети вырастали и начинали помогать своим отцам и старшим братьям, они тоже становились революционерами.

СЫНУ:

Я хочу, чтоб ты знал — наш народ
Знает дату моего освобождения,
А еще я хочу, чтоб ты знал — я лишь часть

Этого народа,
Который мечтает в ближайшем

будущем
Увидеть свет солнца, прорвавшего тучи.

Мы назовем это солнце —
Свобода!

А еще я хочу, чтоб ты знал — в этот день

Мы не будем запрещать тебе петь
на улицах

Твои любимые песни.

Членом подпольной организации я стал в четырнадцать лет. Вместе с другими ребятами распространял листовки, поддерживал связь между ячейками, занимался политическим самообразованием.

В 1977 году в Сальвадоре проходили выборы в муниципальные советы. Что это были за выборы, видно на примере нашего села. Подавляющее большинство голосовало за кандидатов фронта демократических сил, однако, когда голосование закончилось, избирательный участок оцепила полиция. Урны

погрузили в машину и увезли. Так было везде. На следующий день правившая тогда хунта объявила, что на выборах победила она. В стране вспыхнула всеобщая забастовка. Власти провели по-
вальные аресты.

Я в заключении
Уже много дней.

Моя вина лишь в том,
Что я борюсь за права трудового народа.

Меня судили
Национальные гвардейцы.
Мне угрожали
Смертной казнью.

Но с каждым днем все громче
Из самых-самых дальних закоулков
Тюремных подземелий
Звучит:

— Все на борьбу!

— Свободная родина или
смерть!

Стало ясно, что без вооруженной борьбы нам не победить. По всей стране начали создаваться отряды самообороны, в один из таких отрядов входил и я. Мы добывали оружие, изучали, как вести вооруженную борьбу. Однажды я попался. Случайно.

Это произошло во время обычной уличной облавы. Солдаты оцепили улицу, и я свернул в ближайший магазин. Однако солдаты это заметили. Меня вытолкали на улицу, поставили лицом к стене и начали обыскивать. Они били меня прикладами и все твердили

— Куда ты спрятал пистолет?

К счастью, в этот момент при мне ничего компрометирующего не было, но все же меня запихнули в военный грузовик.

Нас привезли в воинские казармы, хунта превратила их в тюрьму. Встретивший меня майор не отличался оригинальностью мышления

— Где твой пистолет, красная сволочь?

Он ударил меня по лицу

— Будешь говорить? Отвечай! К какой организации принадлежишь? Кто твои товарищи? Их адреса, явки? Где хранится оружие? Куда ты спрятал пистолет?

Тут я понял, что никаких конкретных обвинений против меня у него нет

— Я шел на обед, зашел в магазин, а меня почему-то схватили!

Эти слова вызвали у майора приступ бешенства

— Ах, так ты невиновен?! Ты просто шел обедать?! Хорошо, я накормлю тебя до икоты! — заорал он, свалил меня на пол и стал избивать ногами

Жалкий глупец!

Ты орешь, что я несчастен, Потому, что я лишен свободы Как ты заблуждаешься! Мои убеждения и мысли Всегда свободны.

Жалкий идиот!

Ты думаешь, Что смерть, аресты, пытки Задавят Революцию?

Потом меня познакомили с техническим творчеством фашистов — «электрическим палачом» (возможно, его изобретатель получил от хунты премию).

Майор набросил мне на уши контакты и пустил ток. Я почувствовал запах паленой кожи

— Ну как? Будешь говорить? Или я поджарю тебя как поросенка.

Я молчал, и он снова начал меня бить. Я потерял сознание.

Меня облили холодной водой и за большие пальцы рук подвесили к железной кровати, вертикально стоящей у стены. Чтобы я не мог опираться ногами на спинку кровати, к ней подвели ток, а один контакт закрепили у меня на теле

Не знаю, сколько времени я провел в таком положении. Мы утратили ощущение времени

Гонг в столовой возвещает, Что пришел час обеда.

В эти короткие мгновения мы обмениваемся шутками, Улыбками, воспоминаниями и планами на будущее. Всем тем, что нам предстоит сделать, Когда мы выйдем на свободу. Но вот время истекло. Иногда оно так быстротечно!

Потом меня бросили в машину. Я решил, что везут на расстрел. Но машина просто покружила по двору казармы, меня высадили и запихнули в другую камеру

Когда щелкнул замок, я рухнул на пол у самых дверей. Это и спасло: дело в том, что камера имела своеобразную архитектуру. Около двери была площадка шириной около метра, а дальше — яма, о глубине которой можно было только догадываться.

Вскоре принесли обед, мешанину из макарон и бобов. Возможно, по недосмотру повара, в скорее всего из желания вызвать жажду ада была сильно пересолена

Тот, кто принес обед, тоже играл в психолога

— Ешь, не беспокойся. Я тебе помогу выбраться на свободу. — Он развязал мне руки. — Ты бы мог сотрудничать с нами. Тебе только нужно подписать показания

И он зачитал показания, в которых я должен был признать себя виновным в ряде убийств, ограблений банков, взрывов и поджогов

Я сказал, что готов сотрудничать с ними (военная хитрость не есть предательство), но что я ничего не знаю, перечисленных преступлений не совершал, а поэтому подписывать не буду.

Тут всю его благожелательность как ветром сдуло. Он избил меня, потом выскочил в коридор и приказал кому-то «тащить эту сволочь на расстрел»

Я сидел в машине, когда кто-то сказал, что у шефа ко мне еще несколько вопросов. Меня вывели и поместили в другую камеру

Люди в камере были самыми разными. В основном все молчали — боялись провокаций. Один заключенный все время плакал, просился на свободу, кричал, что не виноват. Другой заключенный был ранен в ногу. На следующий день его увели на допрос. Больше он в камеру не вернулся. Охранник сказал, что его расстреляли. Потом увели еще двоих. Они тоже не вернулись.

Грянул залп, словно гром, И дождем пролилась на траву Кровь товарища. (Это было двенадцатого февраля, Во вторник, который был похож На все остальные вторники.)

Оборвались твои шаги, Ты упал, окровавленный, Чтобы таким войти в историю, Вместе с другими товарищами, Которые погибли в этот день, Чтобы воскреснуть вновь В сердцах восставшего народа, В его вооруженной борьбе.

Через несколько дней нас всех повели на выход и стали сажать в машину. На голову надели мешки, чтобы нас не опознали жители города и окрестных деревень. Они ежедневно собирались у ворот казарм, чтобы хоть что-нибудь узнать о пропавших близких.

И вновь (в который раз!) я внутренне приготовился к смерти, и вновь в последний момент меня сняли с грузовика. Видимо, я еще не до конца сыграл ту роль, которую мне отвела хунта.

Я снова оказался в комнате для допросов, и уже знакомый майор встретил меня улыбкой

— Надеюсь, что у вас нет к нам претензий. Мне доложили, что с вами хорошо обращались. Вам оказано большое доверие, и я надеюсь на наше плодотворное сотрудничество. Жду вас через неделю с интересующими нас сведениями

Видимо, он и по сей день ждет от меня этих сведений. Если только остался жив. Дело в том, что через месяц после моего освобождения эти казармы были захвачены бойцами Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марты под командованием бывшего капитана национальной гвардии Мена Сандовала.

Хозяин в панике — Каждый день мы выигрываем у него сражение.

Хозяин знает, Что недалек день решительной битвы И это будет наш последний бой.

Мы победим, Потому что те, кто сегодня его защищает, —

Это обманутые дети народа.

Завтра они прозреют

И встанут в наши ряды

За исключением тех, Кому блеск тридцати сребреников Выжиг глаза.

Товарищи знали, что я молчал, они поверили мне и помогли уехать. Но я вернулся.

«Товарищи!

Читая эту книгу, ты будешь разговаривать с каждым из нас...

Родина! Мы думали о тебе.

Когда решили стать поэтами.

Карандаш и бумага —

Наша винтовка и наши окопы.

Мы пошли в бой,

Чтобы кровью своей

Писать о любви к тебе

На развалинах,

Которые нам оставляет война.

Любимая!

Нас тысячи,

Тех, кто из любви к тебе

Готов ко всему —

Победить или умереть.

Такова история —

Умирать, побеждая,

И возрождаться.

Побеждать, умирая,

И идти вперед.

Чтобы завоевать тебя,

Желанная,

Любимая

СВОБОДА!»

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЧЕСТОЛЮБИЯ

Т. КАЗАВЧИНСКАЯ

Начало нашей истории относится к первым послевоенным годам. В убогом крохотном номере убогой маленькой парижской гостиницы на неприбранной кровати лежал человек и раздумывал, как ему жить дальше. Друзей и родных у него не было, работы тоже, а главное, совсем не было денег, даже на то, чтобы уплатить за ночлег и поужинать, даже на то, чтобы за стаканчиком вина отвлечься от своих тяжелых дум. Эльмир де Хори — так звали героя нашей истории — был немолод, ему уже исполнилось сорок, родом он был из богатой венгерской семьи. Внук банкира и сын дипломата, он получил прекрасное художественное образование: учился в Будапештской академии художеств, потом в Мюнхене, затем в мастерской у Леже. В Париже он провел всю молодость. Трудиться для заработка ему не приходилось, он вел жизнь завсегдатай модных кафе, выставок, салонов, мастерских знаменитых художников, живописью занимался немного и лишь для удовольствия, как, впрочем, и всем в жизни. Война, конечно, бесповоротно это изменила. От прошлого остались только притязания, и, хотя де Хори ничем не проявил себя до сих пор в любимом искусстве, притязания эти были огромны. Его не покидала тайная уверенность, что ему уготована судьба великого живописца, нужно лишь сейчас, именно сейчас выбраться из безвыходной материальной ситуации, а там все будет хорошо: с деньгами он

сумеет устроить выставку и добиться признания.

В эту минуту в дверь его постучали, он удивился, потому что никого не ждал. В романе или сказке написали бы, что то была рука судьбы; впрочем, это, пожалуй, действительно была рука судьбы, только ни де Хори, ни его гостя о том не догадывались. Посетительница, богатая английская дама, знакомая по беззаботным предвоенным временам, заглянула к нему случайно — вспомнила, проходя мимо, что кто-то говорил ей, будто де Хори живет теперь в этой гостинице. Зашла просто так, поболтать, восстановить знакомство. Но де Хори было не до светских визитов, он не пытался занять гостью. Впрочем, она и сама прекрасно умела себя занять. Заглядевшись на висевший на стене рисунок, она признала в нем рисунок Пикассо и стала неумеренно и многословно восхищаться им и в конце концов захотела его купить и предложила сорок фунтов — сумму, показавшуюся де Хори баснословной. Рисунок был его, а не Пикассо, но гостье он об этом не сказал и, не задумываясь, сразу согласился на продажу.

Что побудило его? Презрение к бесцеремонной посетительнице, не умевшей отличить де Хори от Пикассо? Внутреннее убеждение, что он рисует не хуже? Неспособность отказаться от денег, свалившихся в критическую минуту? Трудно сказать, наверно, все вместе. В тот миг он как бы не принимал никакого решения, а просто

пошел на поводу у жизни. Важнее то, что он не принимал его и потом: путь был проложен, он сполз в преступление, даже не осознав содеянного. «Человек истощает себя безотчетными поступками», — говорил Бальзак.

Как только разлетелись неожиданные деньги, а они разошлись быстро, он сделал несколько копий рисунков Пикассо и, замирая от страха разоблачения, отнес их какому-то мелкому торговцу картинами. К его удивлению, все прошло на редкость гладко — торговец купил рисунки и даже неплохо заплатил. Так было положено начало тому явлению, которое получило впоследствии название «живописные подделки де Хори», явлению, невероятному и по своему охвату, и по совершенству имитации. Де Хори умел делать «все»: копии, пастиши — стилизованные варианты, то есть добавлять в известные картины детали и фрагменты, типичные для данного художника, умел создавать «новые» полотна в манере того или иного мастера; он подделывал и графику, и масло, писал пейзажи, натюрморты, портреты, многофигурные композиции и абстракции. Начав с рисунков, он постепенно перешел к маслу, от натюрмортов — к портретам, которые стали его любимым жанром. Деятельность его не знала ограничений эпох и стилей: начав с художников, которых видел за работой в их парижских мастерских, он постепенно освоил стили отдаленных эпох и с равной легкостью вос-

производил французских импрессионистов и старых испанцев. Он овладел тайнами смешения красок, разработал особые приемы грунтовки холста, научился бесследно снимать слой краски со старых полотен, чтобы писать на них поддельные шедевры соответствующей эпохи, научился быстро сушить и покрывать «патиной» свеженарисованные работы.

Производительность его была фантастической, в работе у него было одновременно несколько подделок, и он поставил себе за правило завершать ежедневно по одной. Постепенно его «шедевры» наводнили европейские выставки, музеи США и Токио, заполнили частные собрания. К примеру, на выставке, устроенной в 1964 году в честь Рауля Дюфи, из 33 экспонатов 26(1) принадлежали кисти де Хори. Лишь в период 1960—1967 годов его посредники выручили шестьдесят миллионов от продажи его картин. Самым крупным покупателем де Хори стал техасский нефтяной магнат Медоуз, который за два с половиной года приобрел шестнадцать «Дюфи», семь «Модильяни», пять «Вламинков», восемь «Деренов», трех «Матиссов», «Боннара», «Шагала», «Дега» и множество рисунков «Гогена», «Пикассо», «Марке».

Но, конечно, начинал де Хори скромнее, потребовались годы, чтобы его деятельность приобрела такой размах, потребовались годы и сообщники. Сама работа никогда не была ему трудна, писал он легко и быстро, но ведь готовая картина — это только часть дела. Нужно заботиться о материалах — старых холстах и картонах, нужно сбывать готовую продукцию, нужно придумывать правдоподобные версии, объясняющие, как та или иная вещь попала к нему в руки; в этом его, правда, выручало знание парижской жизни двадцатых-тридцатых годов: он знал, кто с кем дружил, кому что дарил, кто составлял в те годы коллекции, но нужно было расширять рынки сбыта и перебираться в США. Главное, нужно было научиться вести торговые операции, а де Хори был человеком непрактичным. Его нередко надували, кого надувал он сам, перепродавая за бешеные деньги «шедевры», купленные у него за бесценок, по принципу «вор у вора дубинку украл», а он ничего не умел с этим поделаться. Кроме того, он был очень несобран и допускал опасные промахи. Короче, если бы он не нашел сообщников, он так и оставался бы «кустарем», но он обзавелся агентами по распространению, и деятельность его стала «поточной», а два ловких и беззащитных мошенника, не умевших поначалу отличить Рафаэля от Ренуара, получили в свое распоряжение не то золотую рыбку, не то волшебную лампу Аладдина. Тайное акционерное общество «де

Хори — Легро, Лессар» просуществовало целых двадцать лет.

Знаменательные обстоятельства, при которых оно возникло. В один из своих приездов в Нью-Йорк де Хори устроил светский раут: он не потерял надежды завязать полезные знакомства, завоевать популярность и устроить выставку своих оригинальных работ. На такие приемы всегда попадали случайные люди. Неведомо как в толпу гостей затесались и Легро с Лессаром, молодые люди неопределенных занятий, слонявшиеся по свету в поисках легкой наживы. Дело происходило в 1947 году, и все газеты были полны подробностями процесса над ван Мигереном, привлеченным к судебной ответственности за продажу фашистской Германии национального достояния Голландии — 14 картин Вермеера Дельфтского. В ходе процесса обвиняемый сознался совсем в другом преступлении — он продал не подлинники, а сфабрикованные им подделки, впрочем, выполненные с таким мастерством, что судьи потребовали, чтобы ван Мигерен подтвердил свои показания и продемонстрировал свое искусство в тюремной камере в присутствии экспертов, что он и сделал с небывалым блеском. В конце концов он был приговорен к одному году заключения.

Подробности этого дела живо обсуждались повсюду, разговор о нем зашел, естественно, и среди гостей де Хори и, наверное, мало где привел к столь далеким последствиям. Легро объяснил, что ван Мигерен допустил непростительную юридическую ошибку, сбывая свой товар из рук в руки покупателю, а вот делай он это через посредников, никто и никогда бы не доказал, что продавались картины Вермеера, а не его собственные работы; даже продавай он их как копии Вермеера, а это ведь никому не возбраняется, привлеч его к судебной ответственности было бы невозможно. Эта простая юридическая справка произвела на де Хори огромное впечатление, вскоре между ним и двумя молодчиками завязалась дружба, им стал известен его секрет, они предложили ему свои посреднические услуги, и он охотно их принял. Тем самым де Хори как бы получил напутствие от ван Мигерена, как бы принял у него эстафету, словно в каком-то дьявольском сценарии было задумано, чтобы печальный опыт ван Мигерена пошел на «пользу» де Хори; он бы и пошел, если бы в таком деле могла быть польза, чего, как известно, не бывает.

Здесь нам, наверное, пришло время задуматься о проблемах авторства и о том, что такое подделка в живописи. Быть может, это только хорошо, если на свете станет больше картин Вермеера, Сезанна и Пикассо! Быть может, совершенная фальсификация ни в чем не уступает оригиналу! Замечательный польский мастер афоризма Станислав Ежи Лец оставил нам следующий пара-

докс: «Идеальные подделки должны делить судьбу оригиналов». Возможно, Лец не шутит, а говорит всерьез и подделки умножают красоту! По мнению экспертов, многие подделки де Хори выполнены лучше оригиналов. Не менее двух тысяч нераспознаваемых его фальсификаций до сих пор украшают стены национальных и частных галерей. Проблема личного в искусстве решается не просто. Великие мастера не раз делали повторения своих картин. Порой они не любили заниматься некоторыми деталями и перепоручали их своим ученикам. Считается, например, что Лоррен охотно давал дописывать человеческие фигуры своим ученикам, посвящая все внимание пейзажу. Вероккио, согласно легенде, доверил юному Леонардо нарисовать в своей картине ангела, который превзошел по красоте фигуры, написанные метром. Копии, выполненные гениальными учениками великих мастеров, бывали неотличимы от оригиналов. Гирландайо, например, поручил как-то Микеланджело в порядке учебной работы скопировать свой рисунок, но Микеланджело рисунок любимого мастера оставил себе на память, а возвратил копию, которую Гирландайо продал впоследствии какому-то богатому собирателю. Микеланджело, тогда еще очень молодой, не в силах был удерживать секрет и проговорился. Разгневанный покупатель потребовал, чтобы ему вернули подлинник, но никто, даже Гирландайо, не в силах был отличить копию от оригинала, их умел распознавать только Микеланджело.

Не нужно также забывать, что нашему восприятию не мешает безымянность шедевров, нам неизвестны имена многих великих зодчих, иконописцев, авторов многих картин позднего средневековья, не знаем мы и авторов фюмских портретов, однако это их не умаляет. Известно к тому же, как близки бывают по манере сторонники одного направления в искусстве, какого тождества в подходе к действительности они достигают, достаточно вспомнить, как близки, например, некоторые кубистические работы Пикассо и Брака. А ведь существуют еще и мистификации, то есть намеренно скрытое авторство, когда творец по той или иной причине хочет отделить свое дитя от своей личности, отрешить его от своей биографии и прибегает к псевдонимам — в литературе, например, эта традиция жива до сих пор.

Однако при всем разнообразии этих ситуаций мы чувствуем, что все это не имеет отношения к фальсификации. Фальсификация — это не безымянность, сфабрикованное произведение имеет автора, автора существующего или, чаще, существовавшего, но не того, который на ней значится. Как бы ни была совершенна по своему исполнению подделка, какой бы ценный объект

искусства она собой ни представляла, невозможно отрешиться от того, что выступает она в заемном облике. Она тайком присваивает чужое вдохновение и горение духа, чужие поиски и постижение истины, чужое первопроектирование, расширившее некогда горизонты мира. Короче говоря, это кража, только не материальных, а духовных ценностей. Правда, кража очень трудная, требующая от похитителя немалых способностей и мастерства. Подделка художественного произведения — это кража поэтического мира другого человека, это все равно что кража души, она напоминает тень из одноименной сказки Шварца, которая не способна существовать без хозяина, но изо всех сил старается выдать себя за него самого.

Однако вернемся к истории де Хори. В 1947 году союз с Лессаром и Легро показался ему благом — он устал от одиноких усилий. Отныне от него требовалось только одно — работать, а работать ему всегда было нетрудно. Со временем работа превратилась в страсть, в неутолимую потребность. В лице Легро де Хори обрел достойного напарника: если де Хори был неправдоподобно продуктивен, Легро был так же неправдоподобно оборотист. Это был беззащитный авантюрист, прирожденный «сбытчик» краденого. Жесткий и властный, он сразу взял верх над бесхарактерным де Хори, ибо тотчас раскусил его: кадил его тщеславию и держал в железных финансовых рамках — никогда не платил ему больших денег, старался сам обеспечить его всем необходимым. Так, когда для де Хори была куплена вилла на Ивисе, одном из Балеарских островов, Легро оформил ее на свое имя. Это была беспроигрышная политика — де Хори всегда подгоняла непрекращающаяся необходимость работать.

Теперь он умел писать не хуже, чем гении, которым завидовал в молодые годы, — Модильяни, Пикассо, Матисс, формировавшие вкус и зрение своего времени, теперь он умел писать не только так, как каждый из них, но и как все они, вместе взятые. Однако этого чувства всемогущества хватило ненадолго, его не оставляли мысли о собственной живописи. Порою он пытался устраивать выставки, продавать свои картины, но его живопись не имела успеха, и Легро, видя безнадежность его усилий, только добродушно посмеивался, зная, что де Хори у него в руках. Время от времени де Хори делал отчаянные попытки вырваться из железных объятий своих сообщников, но при первых подступах безденежья, по безволию, возвращался на знакомую дорожку. А между тем невольная многолетняя учеба у великих мастеров и упорный труд свершили чудо — де Хори как художник стал обретать свое

лицо, являя собой столь редкий в искусстве феномен позднего развития. Однако чем лучшим Модильяни, Дюфи, Ван Донгеном он оборачивался, тем крепче становились держащие его сети, тем более зловещую, прямо-таки мифистофельскую роль играл в его жизни Легро, тем меньше надежды ему оставалось снова стать собой. Своими подделками он сам выстроил себе тюрьму, и Легро был его тюремщиком.

Де Хори было почти шестьдесят, когда он выполнил серию многофигурных композиций на библейские сюжеты и темы из истории Испании; в качестве первых зрителей и судей он пригласил своих сообщников. Сначала они не поверили, что это не копии, поверие же, подпоили его и уничтожили все полотна. Во-первых, они не собирались лишаться дойной коровы; во-вторых, боялись: человек, который много лет был другом торговцев картин, жил на неведомые доходы, вдруг оказывался незаурядным художником. Это было опасно. Но де Хори не в силах уже был оставить мысли о собственном творчестве. Он чувствовал, что честолюбивые мечты его молодости близки к свершению, теперь он может сделать то, что столько лет составляло предмет его желаний. Он стал писать тайком. Ему уже перевалило за шестьдесят, когда он встретил вдохновившую его модель — девушку-мулатку Консуэло и создал серию ее портретов. По-видимому, это были прекрасные картины. По-видимому — ибо они тоже были уничтожены Легро. На этот раз де Хори был осторожнее, он показал их только соседу — художнику Пьеру Дмитренко, который долго не верил в авторство де Хори, а получив несомненные доказательства, назвал эти полотна шедеврами.

Де Хори был осторожен, но это ему не помогло: де Хори-художник проиграл свою жизнь де Хори-фальсификатору. Как раз в это время с быстротой карточного домика стала рушиться подпольная империя Легро — Лессар. Началось с денежных раздоров между ними: в результате по тайному доносу Лессара Легро был задержан на таможене с большой партией подделок. К судебной ответственности его не привлекли, но в воздухе запахло скандалом, и Медоуз решил проверить и оценить свою коллекцию. Она оказалась самой большой в мире коллекцией подделок, хотя и весьма совершенных. Подобную же экспертизу провел Музей западного искусства в Токио, и выяснилось, что покупки, сделанные у Легро, — фальшивки. Легро тем не менее решил рискнуть еще раз и представить в галерею Понтуаза заранее объявленные им картины. Одной картины не доставало, и он заменил ее пейзажем «Вламинка», который тайком взял у де Хори. Картина не была как следует просушена, к тому же Лессар

«перестарил» ее. Приемщику картина показалась слишком темной, и он распорядился протереть ее растворителем — на тапоне остался след голубого неба, якобы написанного в 1906 году.

Не дождавшись судебного разбирательства, Легро поспешил на Ивису, чтобы уничтожить все следы занятий де Хори живописью. Не застав хозяина — тот был в Мадриде, — он проделал все задуманное без помех и с большой обстоятельностью: сжег рамы, запасы холстов и картона, выбросил краски, уничтожил готовые и начатые копии, истребил все оригинальные картины де Хори. Дом был готов к полицейскому осмотру. Когда де Хори вернулся на остров, в виллу он уже не попал, Легро не пустил его: ведь дом числился за ним. Два месяца кружил де Хори вокруг виллы, пытаясь заключить с Легро подобие соглашения, но тот был непреклонен — художник больше ему не был нужен, и он вычеркнул его из своей жизни. В конце концов он продал дом и перебрался сначала в Каир, а потом в Швейцарию, где и был задержан, но не за продажу подделок, а за пользование фальшивым паспортом. Юридическая казустика не позволила выдвинуть более серьезное обвинение. Лессар тоже оказался на скамье подсудимых, но тоже не за подделку — он попался на реализации фальшивых чеков. На этом роль двух мошенников в жизни де Хори кончается.

Да и вся притча его жизни подходит к концу. Некоторое время он скитался по Европе, жил в Мюнхене, Гамбурге, Париже, возвращался на Ивису, перебрался в Португалию. Последние сведения о нем относятся к 1969 году, после чего след его теряется. Вел ли он жизнь бродяги, нищенствовал ли, наткнулся ли на нож в каком-то темном углу, умер ли в больнице для бедных или долго еще жил, зарабатывая рисунками на асфальте, это неизвестно. Но жизнь его наводит на размышления. Ему достались от природы редкие дары: талант, неутомимая работоспособность, безошибочное чувство красоты, тяга к совершенству. Однако в этой чудесной одаренности он видел лишь одно — орудие успеха. Рожденный, чтобы стать рыцарем искусства, он унизил свое предназначение, хуже того, он торговал им тайком, исподтишка. Себя он любил больше, чем искусство, и любил его только за то, что оно могло дать ему. Но погоня за успехом — плохой поводирь, а талант в сочетании с душевной косностью — опасная смесь. Он двадцать лет дурачил мир и в конце концов больше всех одурачил и обокрал самого себя.

И обеднил нас всех — мы уже не увидим картин художника де Хори, а может быть, это был большой художник.

МНОГО-МНОГО ПИКАССО ИЗ КАЛЬТОХАРА

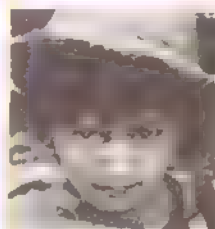
«Осторожно! Рисуют дети!» — такой уникальный знак висит при въезде в испанскую деревушку Кальтохар. Знак этот повесили недавно — прежде водители Кальтохар объезжали: ну что интересного может быть в деревне, испокон веку занатой выращиванием бобов! Зато теперь село знаменито: все двести семь жителей, от мала до велика, рисуют на стенах домов... картины Пикассо. Началось все с серии телепередач, посвященных столетию великого художника. Особенно потрясла деревню «Герника» — ее нарисовали первой. Вечерами, с помощью «автоматического фонаря», переводят на стену контуры картины, а поутру начинается яростное обсуждение: как смешивать краски для «настоящего голубого Пикассо». Но в деревне не забывают и о бобах. Знаменитых теперь бобах из Кальтохара.

НЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Перед вами, читатель, резиновая пуля. Эта пуля, как утверждают ее изобретатели, безвредная. Эта пуля специальная: она предназначена для разгона уличных демонстраций. Этими «безвредными» пулями в Ольстере было убито четырнадцать человек. Последней жертвой стал одиннадцатилетний мальчик-католик Стефан Маккомом. Дело было в апреле.

А в середине мая Европейский парламент большинством голосов проголосовал за запрещение резиновых пуль в странах Европейского сообщества, в том числе и в Северной Ирландии. Но... Голосование голосованием, а запрет пока законной силы не имеет и вряд ли будет иметь. Потому что, как заявил британский министр по делам Северной Ирландии Джеймс Прайор, «конечно, плохо, когда гибнут невинные. Но это не повод для того, чтобы менять политический курс».

ДНЕПР, МИССИСИПИ ТО ЕСТЬ...

«Поверить не могу, что все это снимали в России», — сказал корреспонденту американского журнала «Тайм» четырнадцатилетний американский школьник. Произнес он эти слова после просмотра советского телевизионного фильма «Приключения Тома Сойера». «Фильм удивительно точно передает дух книги», — пишет «Тайм». — И что более всего подкупает американского зрителя — точность деталей быта. Например: наши оконные рамы устроены совсем не так, как русские, и режиссер изучал специальную литературу, чтобы узнать, через какое окно удирал Том. С миссисипскими пароходами тоже были определенные трудности, но русские плотники выстроили именно такой, как требовалось. А Днепру явно удалась роль Миссисипи».

ЧЕМУ И КАК УЧАТ

Факирами не рождаются. Но становятся ими нередко в самом раннем возрасте. В Индии родители-кудесники с пеленок обучают детей секретам своего ремесла, зная, что малолетние пожиратели огня и заклинатели змей даже в Индии экзотическое зрелище. Основной трудностью считается приучить детей не бояться «зверушек», с которыми придется выступать: все-таки змея есть змея. И вид у нее неприятный.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УМЕЕТ ДЕЛАТЬ ВСЕ

Шарль Азнавур пользуется у французов репутацией человека, умеющего делать все: он сочиняет песни, исполняет их, снимается в кино, пишет сценарии для телевидения. В будущем году знаменитый шансонье отметит 50 лет со дня своего первого выхода на сцену. «Но стариком себя вовсе не чувствую», — говорит Азнавур. — В 2000 году моему младшему сыну будет всего двадцать. И для того чтобы находить с ним общий язык, я тоже должен оставаться молодым».

«ДЛЯ ЛУЧШИХ ИЗ ЛУЧШИХ!»

«Ничего невозможного нет... если ты готов свершить невозможное. Если ты морской пехотинец. Если тыходишь в число избранных, тех, кто только и может это свершить. Тех, кто уже двести лет преуспевает там, где другие проваливаются. Записывайся в морскую пехоту — это отличный жизненный старт. Этими ты будешь гордиться. Один из избранных. Один из лучших... Один из тех, к кому обращается Америка, когда никто другой не поможет!»

Это реклама, призывающая молодых американцев записываться в морскую пехоту. А Вьетнам — это то, чем может «гордиться» морская пехота США.

РОКОВЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Рок-музыка всегда считалась сугубо мужским делом (исключения были столь редкими, что лишь подтверждали правило). Но и сюда пришла «феминизация». Американская певица Пэт Бенатар (ее вы видите на снимке) выпустила уже две золотые и одну платиновую пластинки и считается наиболее популярной исполнительницей рок-музыки. Успешно дебютировала в качестве солистки Стиви Никс из ансамбля «Флитвуд Мак» — ее пластинку «Белладонна» высоко оценила критика. Открытием сезона стала певица Джоан Джетт. А лучшей новой группой США 1981 года был признан женский ансамбль «Гоу-гоуз».

ВЫ СПРАШИВАЛИ

Уважаемая редакция!

С месяцем назад я услышал на КВ «Музыкальную передачу Севы Новгородцева» радиостанции Би-би-си. Первое время я в этом Севе и его передачах души не чаял. Он очень интересно рассказывает о музыке, рок-музыке я имею в виду. Держит себя и говорит как старый знакомый, неофициально, и это тоже мне понравилось. Но это в первое время. Сейчас я к нему немного охладел. Не к передаче, а именно к нему самому, Новгородцеву. Он, видите ли, «свой парень», «и вообще...», но у него нет-нет да и проскочит фраза типа «благополучная капиталистическая действительность» или еще что-нибудь, и поэтому я начинаю в нем разочаровываться.

Я бы очень хотел узнать что-нибудь о нем: кто он такой, откуда и др. Если вы не можете рассказать о нем на страницах журнала, то сообщите что-нибудь в письме.

Заранее благодарен, с уважением,
Л. Маковский,
БССР, Гомельская область, Речица-8.

рассказ матери

Мой сын родился в советском году. Что это значит, поймут только матери, имеющие детей, рожденных в военные годы. Молодые не поймут, к счастью. Я — старая мать, и мой сын давно вырос.

Все дети, родившиеся в военные годы, — слабые дети. Война добавок ко всем ее ужасам страшна еще матери страхом потерять ребенка — это значит иметь счастье и вдруг остаться несчастной на всю жизнь. Это значит видеть, как твой сын гибнет, и не уметь ему помочь...

После войны я показала моего Севу врачу, и врач воскликнула: «Этот ребенок весь состоит из больных, воспаленных железок!» Потом дети все это забывают, а матери нет. К счастью.

Сначала из Ленинграда эвакуировали только детей, без матерей. Ну ничего, ведь главное — детей спасали. Хотя бы и так, отрывая от матери, но спасали. Не было другого выхода. Мой муж, конечно, был на фронте, а до войны он служил в парашютном полку. И я была одна. Но мне все-таки посчастливилось не расстаться с сыном, потому что, кажется, вышел новый приказ и по этому приказу маленьких детей отправляли в эвакуацию с матерями.

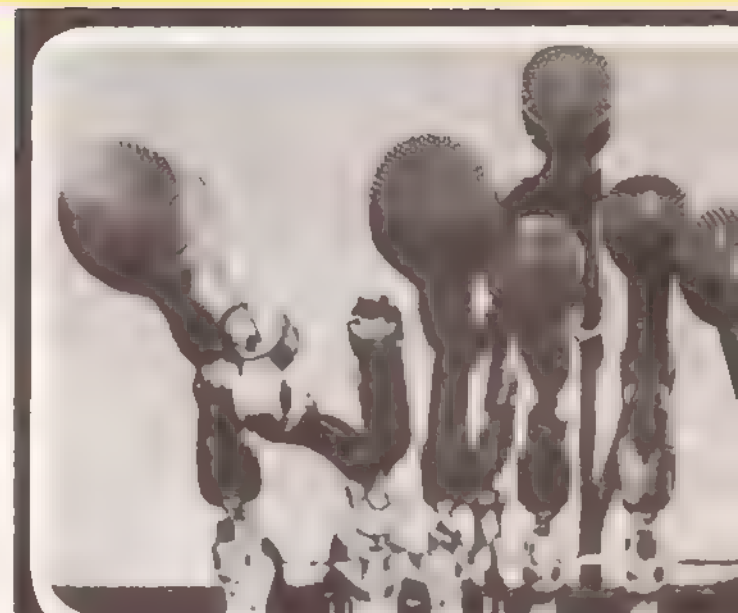
Помню, как меня посадили с Севой на какой-то пароходик, не то шлюпку, и мы поплыли через шлюзы... как я все помню! Помню и то, как

я уходила из нашей ленинградской квартиры на улице Стачек — из родного дома Севы, из дома, где мы с мужем, молодые, начинали нашу семейную жизнь, предполагая в ней счастье, и в которой мы не успели как следует обставиться. Ничего у нас с ним не было накопленного, никакого богатства, кроме молодости и сына.

После шлюзов мы, молодые женщины с детьми, забывшими потом и эту поездку, и войну, сидели на подводе, и лошадь куда-то брела. А потом оказалось, что то место, куда мы направлялись, уже в опасности и может быть занято фашистами, и мы повернули без дороги.

Еще помню эшелон с эвакуированными, который остановился и стоял смертельно долго, а я бродила по железнодорожным путям, натыкаясь на вагоны — они были пусты, а я искала вагоны, где были бы люди, и тогда бы они спасли моего единственного сына. Все эвакуированные так бродили, искали...

А как потом все захотели восстановить довоенную жизнь в каждой мелочи! Оживать — это тоже трудно. И вот стали продавать в магазинах настоящие конфеты, люди покупали для детей, чтобы порадовать, только те дети, кто до войны пробовал конфеты, уже выросли, а маленькие про них не знали, что это такое. Я даю моему Севе конфету, а он и не знает, что с ней делать, такой ужас.

Эвакуацию всю мы прожили в Белозерском зерносовхозе в Курганской области. Нам с Севой хорошо там было. Квартиру выделили отдельную. Люди мне говорили: «Ты их нам не суй, свои деньги» — и было у нас с сыном молоко и хлеб, а больше ничего не было у этих людей, но и это спасло. Хорошо мы жили и хорошо питались всю

эвакуацию молоком с хлебом, лишь писем мне с фронта сначала не было... Я работала со всеми в поле, потому что людей было очень мало, и еще я работала в бухгалтерии совхоза, и теперь я знаю, что в войну одинаково трудно было воевать и трудно жить и ждать. С Ленинградского фронта пришло мне первое письмо.

КТО ОН ТАКОЙ?

С Отечественной муж вернулся раньше Победы, с двумя орденами Красной Звезды, по приказу, который тогда назывался «приказ 1000». Это значило, что тысяча воевавших специалистов мирных профессий отзывались с фронта на восстановление народного хозяйства. Приказ был издан, когда стало ясно, что война идет к концу, и

победе, и эта тысяча преданных партии коммунистов должна была принять на себя очень тяжелый труд, мало отличающийся от военного, но счастливый, конечно.

Мы вернулись, а в нашей квартире на улице Стачек все осталось как было. Дом не был разбомблен. В его квартирах, оставленных жильцами, всю блокаду жили солдаты, дом стоял как будто на линии фронта, дом в любимом, дорогом Ленинграде. Я вошла и увидела, что буквально все как прежде, будто не было ничего, этих лет не было. Я ведь даже не о честиности человеческой, а о вере: эти солдаты, многие — мальчишки, и теперь они мне годились бы в сыновья и внуки, — они воевали и знали про смерть, но верили, что люди вернутся в свои квартиры, и хотели, наверное, чтобы, едва вернулись, почувствовали: все как прежде.

Когда наш поезд стоял и я бродила среди железнодорожных путей, то набрела на воинский эшелон, а там были молодые солдаты, направлялись, должно быть, на фронт, они были молодые и не знали еще про смерть.

Сама я гатчинская. Наша большая родительская семья переехала в Гатчину из Петербурга потому, что дети все часто болели, и врач посоветовал летом жить на даче — а какая у нас была дача! — и переехали. А потом я осталась сиротой... Гатчина — это прелестное место, место сиреней и жасминов. Теперь, правда, это обычный город, как многие, не дачное место, а я наших гатчинских всех знаю, до сих пор смотрю, кто из них вышел в люди, кто как поднялся в жизни и как далеко пошел. Много хороших людей жили и родились в Гатчине.

Я гатчинская, а считаю себя ленинградской. Конечно. Как и муж. Все у нас связано с ленинградским, вся жизнь и все счастье. Я иногда даже думаю — может быть, это особенная черта лишь ленинградцев, так сильно любить свой родной город? Но нет, конечно. Только согласитесь, что наши люди, ленинградцы, — особенные. Мы слишком много пережили вместе с городом: живя в нем и мечтая о том, чтобы в него вернуться, хотя бы и на старости

О МУЗЫКЕ— И НЕ ТОЛЬКО

ИНФОРМАЦИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЕ

лет, и навсегда... Мечтая о нем.

В сорок девятом году — Севе, значит, было девять лет — мужа перевели работать в Таллин. Он должен был заново создавать эстонское пароходство, эстонский торговый флот. Ведь все корабли, принадлежавшие в буржуазной Эстонии частным лицам, были уведены, уничтожены, остался лишь жалкий кораблик, суденышко, как мне рассказывал муж. С суденышка и начался эстонский новый флот.

В Таллине мы прожили двадцать два года.

Сева уехал от нас в семнадцать лет, когда стал учиться дальше после школы. Так что я знаю его маленьким мальчиком, семнадцатилетним. Потом мы встретились, когда он был уже совсем взрослым...

За все эти двадцать два года не было ни дня, ни, кажется, минуты, когда бы я не думала о Ленинграде как о единственном месте на земле, где мы должны жить.

У моего сына рано проявились музыкальные способности и то, что я бы назвала страстью к музыке. Это, наверное, талант. Ни у меня, ни у мужа нет особенного музыкального слуха, но все вокруг так удивлялись, насколько тонко слух у мальчика. Все об этом говорили: ну откуда?.. И мне это было удивительно, радостно тогда. Он легко учился музыке, учился сам. В Таллине он уже играл на саксофоне, на кларнете. У него был хороший характер для того, чтобы добиться признания, — он был упрям, упорен.

И тут я вспомнила: был у нас в роду человек, обладавший тончайшим, изумлявшим всех слухом и страстью к музыке. И он был, представьте, дьякон. И что еще удивительнее — был посвящен в сан после революции, в наше уже, советское время. Это показалось для всей семьи

так странно, что долго никто не мог понять этого поступка, потому что у нас никогда не было принято особенно молиться и почти никто давно уже не считал себя верующим человеком.

...разгадали поступок так: человеку нужна была сцена. Не простая сцена.

Сева рвался на сцену. Они играли в подворотнях, это только входило в моду — такие мальчишеские сборища с гитарой. Я не думаю, что в этом есть что-то плохое, и вряд ли это могло испортить моего сына.

Впрочем, сейчас мне трудно что-либо оценивать объективно. Я не знаю, кого винить, в чем искать причину произошедшего потом.

Для меня Таллин — послевоенный город. Он на наших глазах стал таким Таллином, каков он есть сейчас, чем эстонцы гордятся. А я видела и помню, как медленно совершались перемены, как медленно и как трудно. Таллин я знаю так, как близкого человека. Но не как родного.

И так я стремилась назад, так мучилась без родного города моего, что мы в конце концов обменяли нашу таллинскую квартиру и переехали в Ленинград, то есть вернулись. Мой сын уже жил в Ленинграде, был женат на красавице, она мне очень понравилась красотой, прекрасными манерами и сильным характером. Но виделись мы не часто. У них была своя жизнь, да и жили они не рядом, в Купчине.

Слово «отъезд» я услышала в пустяковом разговоре, речь шла о какой-то их знакомой, которая подала документы на выезд из СССР. Я посмеялась и, кажется, сказала, что это ее личное дело, не нам обсуждать чужие проблемы.

Я не могла представить, насколько близка моя беда.

Когда мы с отцом узнали все, это был страшный, не-

ожиданный, непредвиденный удар. Я лежала, и плакала, и думала, что мое сердце лопнет от горя и крови, потому что ничего не было спасено и теперь я теряла сына наверняка и навсегда и ничем не могла ему помочь: я не могла его спасти. У меня не было таких слов. Я не знала, какими словами спасают. Я что-то говорила...

От этого серьезно заболел отец Сева. Этот честнейший человек слег, и врачи не знали, каков может быть окончательный диагноз. Они предположили самое худшее, безнадёжное.

Но мой сын не остановился. Не знаю, когда и как могло произойти то, в результате чего он стал нам таким чужим. Я вспоминаю его мальчишкой. Я очень люблю его и люблю маленького внука, который теперь уже вырос, а я этого не видела.

Мой сын сказал нам, что готовит документы для выезда в Израиль. «Какой ты еврей? — сказала я. — Это твой отец, сын портного, он — еврей. Он всю жизнь прожил работая».

У нас никогда не было никаких родственников за границей, потому что наши род-

ственники все жили на одной земле и в нее ложились, когда умирали или погибали.

Неужели нужно было умереть, чтобы остановить его? Пока врачи старались определить болезнь мужа и предполагалось худшее, он продолжал оформлять документы, собираться... Потом врачи сказали, что болезнь лечить можно: она происходит от нервного потрясения. А вскоре Сева уехал, не задержавшись и не помедлив, в срок, когда все необходимые для этого документы подготовил. А я осталась с врачами, со страхом...

Мой муж в мирное время получил орден Ленина за работу.

Сын справляется с его здо-

ровье в открытках: «Как баять?» Я пишу: «Все в порядке». Он тоже пишет: «Все в порядке», но я знаю, что не все в порядке. Не может быть все в порядке! Я это знаю, чувствую, и я не могу поверить, что все в порядке.

«Вы умрете от тоски». Вот все, что я могла сказать.

Они выехали сначала в Италию. Потом, я узнавала стороной, Сева выдержал какой-то конкурс, в котором надо было знать русский, английский языки и хорошо разбираться в музыке. Он устроился на работу, для которой требуется только это: русский, английский и музыка. Это у него было.

«Вы не знаете, каково вам будет умирать». Это сказала я.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

Вам пишет ученик 11-го класса 18-й средней школы города Вильнюса... Я хочу попросить вас, чтобы вы рассказали о «новой волне». У нас в Вильнюсе проводится множество дискотек, и я часто слышу выражение «новая волна», а что это такое, где эта «волна» зародилась, кто ее лучшие представители, какие стили входят в эту «волну» — не знаю. Заранее спасибо, Рарюс Эйгинас.

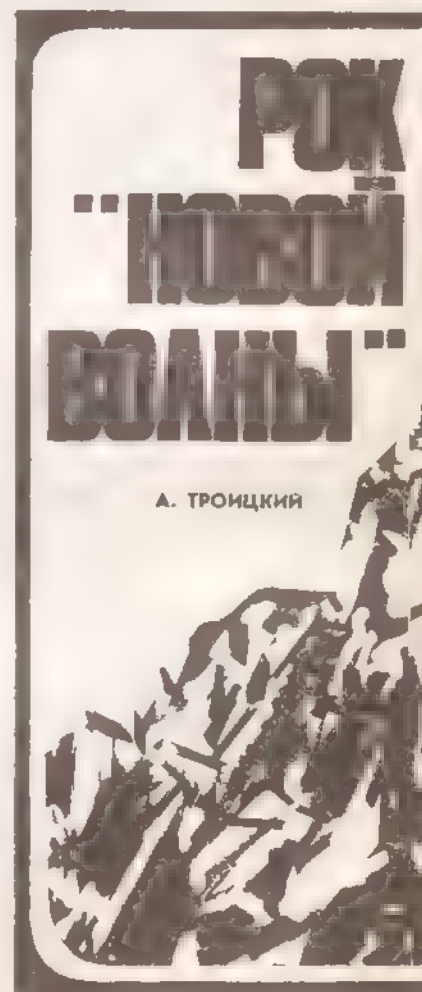
За последние пять лет зарубежная, особенно английская, рок-музыка изменилась до неузнаваемости. По сути дела, совершенно новое поколение пришло на сцену и отодвинуло в глубокую тень почти всех прежних музыкальных лидеров. Такое уже бывало, скажем, в 1963 году, когда волна биг-бита почти на чисто (за единичными исключениями — Пресли, Ричард) «смыла» тогдашних эстрадных звезд. Можно говорить о том, что «новая волна» — это рок-музыка четвертого поколения, если считать первым рок-н-ролл 50-х годов, вторым — музыку середины 60-х («Битлз», Дилана и других), а третьим — так называемый «прогрессивный рок» и прочие течения конца 60-х и 70-х годов.

Нынешняя «новая волна» распадается на много течений, у нее есть свои лидеры, свои «звезды», свой авангард. Строго говоря, поскольку речь идет о Великобритании и США, «новая волна» — это есть

современная рок-музыка, ибо почти все, что находится вне ее, есть музыка либо сугубо коммерческая («ЭЛО», «Стикс» и т. п.), либо «ностальгическая» (ритм-энд-блюз, традиционный рок-н-ролл), либо упорно не меняющая свои клише, а потому за десять лет успевшая смертельно западной публике надоесть (к примеру, хард-рок)... И так, новое поколение рок-музыки, основные течения и «типичные представители» приблизительно в хронологическом порядке.

Примерно в 1974 году в богемных кварталах Нью-Йорка появился панк-рок, к концу 1976-го он дошел до Британии, где неуклонно «подвинулся» в подвалах, а с огромным скандалом — и не одним! — обрушился на массового слушателя и зрителя. Панк-музыка предельно примитивна: несколько аккордов, бешеный темп, интонации рок-н-ролла, нарочито «грязная» манера игры. Но панк не был музыкальным движением, за ним стояло большее: отчаяние моло-

дого поколения, оказавшегося в тисках кризиса, охватившего капиталистический мир. Вот почему неизменным мотивом практически всех панк-песен стали ненависть, отчужденность, недоверие к общественным институтам, неприятие существующего образа жизни, замешенные на анархических идеях вседозволенности. Характерным примером «вызова» respectable буржуазному обществу может служить судьба бас-гитариста «Секс пистолз» Сида Вишеса, который начал свою музыкальную карьеру с того, что на концерте в кровь разбил голову одному из рок-критиков, а закончил жизнь, приняв сверхдозу наркотиков, едва его отпустили на поруки из наркологической клиники... При том, что многое в панке дико, уродливо, абсолютно неприемлемо, мы должны констатировать, что это движение и его музыка были восприняты как антибуржуазные и по содержанию и по форме. Поэтому нет ничего удивительного в том, что консервативная пресса устроила ему тотальную обструкцию. Но лишь те, кто, подобно «Клэш», «переболев» панком и осознав

А. ТРОИЦКИЙ

бесперспективность нигилизма, влился в движение Рок против расизма,

Я упростила принять меня на работу, несмотря на мой возраст. Я работаю в поликлинике, которая находится совсем близко от моего дома, так я ближе к лекарствам, которые становятся с годами внезапно необходимыми. Мне очень тяжело рассказывать о нашей теперешней жизни — жизни двух людей в стенах, в которых даже редкое присутствие сына могло бы поддержать жизнь. Иногда это внезапно необходимо...

Когда я пишу ему, то тайком передаю привет от отца. Отец не знает об этом. Он молчит. Теперь самый пустяк может убить его. Это сделал мой сын, которого я, конечно, люблю и продолжаю любить, потому что я мать и у меня

одно сердце, разве я виновата, что оно не разорвалось от горя, когда я все потеряла.

Я помню все его болезни. Ведь он болел рахитом, это считалось тяжелым, трудно лечимым. Выправился.

А когда эшелон стоял, я искала кого-нибудь, кто мне бы помог спасти сына, и я подошла к воинскому эшелону, там сидели молоденькие солдаты, все они уезжали погибать, и я попросила у них чего-нибудь, я сказала: «Солдатики, дайте каши для ребенка!» — и заплакала. Они были молодые, смеялись и каши дали много. Они были моложе моего сына.

Да, я знаю, мне же это многие твердили, что он прекрасный музыкант!..

ОТ РЕДАКЦИИ.

Вы, конечно, поняли, товарищ Маковский, что из Ваш вопрос о Севе Новгородцеве отвечает его мать. Наш корреспондент встретился с ней в Ленинграде и слово в слово записал ее страшный и горестный рассказ о спасенном в тяжелые годы войны добротой и отзывчивостью сотен людей мальчике, который вырос и предал тех, кто его спасал, кто его любил. Предал тех молодых солдат, что шли за него на смерть, предал тех крестьян, что делились с ним последним куском хлеба, предал тех честных и простых людей, у которых «ничего не было накопленного, никакого богатства, кроме молодости и сына», — своих отца и мать, предал Родину.

В дополнение к сказанному можем сообщить Вам, что подлинное имя Севы Новгородцева, «своего парня» 42 лет, набивающегося по долгу службы идеологического диверсанта в друзья-приятели к подросткам, — другое. Мы не называем его по просьбе матери, чтобы не позорить, как она сказала, имя отца. В 1973 году он сменил его на фамилию Новгородцев, а перед отъездом в Израиль в 1975 году вновь взял фамилию отца. Сейчас, как Вы знаете, — Новгородцев — обосновавшись в Англии, снова стал Новгородцевым. Кто же он, в конце концов, на самом деле? Еврей? Русский? Или англичанин? — судить Вам. Нам кажется, что он — так, никто. Без роду, без племени. Мусор.

встретили понимание и поддержку прогрессивных сил.

Хотя мода на панк-рок прошла, течение это существует и сейчас, причём

носит ярко выраженный политический характер (об этом в какой-то степени говорят даже названия ансамблей, например «Эксплуатируемые», «Напрасная юность»). Эти ансамбли стоят на левых позициях, весьма резко осуждают внутреннюю и внешнюю политику нынешних правительств Британии и США. Примером может служить антивоенная песня группы «Дисчардж» «Это не должно повториться». В ней говорится о трагедии Хиросимы:

Слепящий свет, огонь и крики —
Никогда, никогда это
не должно повториться!
Безответные мольбы о помощи,
И паника, и отчаянье,
И те, кто выжили,
безуспешно
Ищут своих родных.
Смертоносная пыль,
Отравленные озера и ручьи —
Никогда, никогда это не
должно повториться!

В то же время некоторые группы атакуют институты власти и справа. Короче говоря, панк остается очень противоречивым явлением.

Уже в 1977 году появились группы, с одной стороны, исповедующие резкость и накал энергии панка, а с другой — не желающие обходиться его примитивным музыкальным арсеналом. «Стрэнглерз», «Скуиз» в Англии, «Диво» в США, «Метал Урбэн» во Франции отошли от двухминутных трехгитарных деклараций, принялись экспериментировать — и довольно удачно — с новыми звучаниями. Стали использоваться принципиально игнорировавшиеся панками электронные клавишные; зазвучали развернутые инструментальные соло и целые пьесы; появились сложные композиции, сюиты. «Новая волна» (это название вошло в обиход летом 1977-го) как будто повторяла заново эволюцию рок-музыки, хотя и с резкими отличиями. Музыка более жесткая, с подчеркнутым, выдвинутым на первый план ритмом, менее эклектичная — нет и намек на столь любимые десять лет назад заимствования из симфонической классики. Суровой, «призмеленной» стала и тематика песен: символизм и мистика уступили место словам из повседневной жизни, обычно сердитым, полным сар-

казма, реже — романтичным.

Сейчас «пост-панковское» течение доминирует в «новой волне». В Англии наиболее влиятельны «Эко и Баннимен», «Тирдроп эксплоудз», «Кьюз» — группы мрачновато-электрического звучания, немало заимствовавшие у знаменитых «меланхоликов» прошлых «волн», например Джима Моррисона. В Америке пост-панк принял несколько иные очертания: американские группы исполняют музыку темпераментную, иногда даже буйную, с явной нацеленностью на танец, а потому имеющую точки соприкосновения и с негритянским ритм-энд-блюзом, и с диско. Несмотря на популярность у западных критиков, пост-панк, особенно европейский, уже несет на себе некоторые признаки обветшания: это выражается и в ориентации многих групп на старые образцы, и во все увеличивающейся претенциозности, и в постепенном притуплении того социально-критического пафоса, который составлял наиболее сильную сторону панк-рока.

Попытки найти компромисс между скандально-модным, но не обладающим «коммерческим потенциалом» панком и «нормальным» роком привели к возникновению стиля «пауэр (мощь, сила) — поп». Эта музыка, с одной стороны, более лаконичная, простая и мелодичная, чем хард-рок, а с другой — не такая «грязная» и быстрая, как панк. Пауэр-поп оказался во многом похожим на бит-музыку середины 60-х (ранние «Битлз», «Кинкс»). Многие группы — «Нэк», «Шуз», «Рекордз» — звучат как чистое «ретро» тех лет. Пауэр-поп наиболее ком-

мерческое и вторичное по своим музыкальным характеристикам ответвление «новой волны».

В середине 60-х годов в Великобритании появились так называемые «моды». У этих молодых людей был свой специальный стиль одежды (костюм, галстук, плащ-парка, длинный шарф) и стиль жизни (мотороллеры, танцы до упаду, подчеркнутое уважение к своей персоне и легкое презрение к тем, кто «не мы»). Были у «модов» и «свои» группы, из которых две — «Ху»² и «Смол фэйсиз» — вошли в историю поп-музыки. В конце 70-х произошло возрождение «модов», но довольно кратковременное. Почти все мод-группы — «Ламбреттас», «Мертон паркас», «Пёрпл хартс» и даже показанная по нашему телевидению «Секрет эфира» — в 1980 году сошли на нет вместе с породившим их движением. Пожалуй, самой интересной из мод-групп «второго поколения» является «Джэм»³. Музыка «Джэм» достаточно выразительна и мелодична, однако новизной и выдумкой не блещет. Наиболее сильные стороны группы — мощь концертных выступлений и социально направленные стихи песен, которые пишет гитарист и певец Пол Уеллер. «Джэм» были единственной рок-группой, приглашенной на Позитивную олимпиаду в Лондон в ноябре прошлого года (нашу страну представлял на ней Андрей Вознесенский).

Помимо «модов» в качестве «хорошо забытого старого» выступает сейчас стиль «ска». Этим словом еще в 1961 году, задолго до появления рег-

гей, окрестил свою музыку ямайский певец и композитор Принц Бастер. Музыка ска одновременно похожа на все и в то же время имеет свое «фирменное» звучание. Проще всего было бы определить ска как смесь рок-н-ролла, калипсо и диксиленда, но можно найти и массу других составляющих. В Англии конца 70-х эта простая, демократичная музыка пришла очень кстати. Исполнители ска разделились на два клана: «Мэднесс» и «Бэд Мэннерз» играют ска близко к оригиналу, делая при этом акцент на присущую стилю эксцентричность и доводя ее до грани пародии и шутовства. «Бит», «Ю Би 40»⁴ и «Спешиалз», не пренебрегая танцевальными ритмами, пишут содержательные, злободневные песни и активно участвуют в движении Рок против расизма. Еженедельник «Нью мюзикл экспресс» называет самой популярной песней 1981 года песню группы «Спешиалз» «Город-призрак»:

Этот город —
город-призрак.
Город убитой
юности.

Правительству
наплевать на молодых.
Этот город —
город-призрак.
У страны для нас
нет работы,
и так больше не
может продолжаться.
Люди не станут
такого терпеть.
Этот город —
город-призрак.

Ска — редкий пример «расовой гармонии» в музыке: в ска-ансамблях примерно поровну черных и белых музыкантов, на концертах бок о бок сидят поклонники ска — коренные англичане и эмигранты из Вест-Индии.

Похоже, что эта музыка надолго.

«Электронные», «синтезаторные» группы существовали в «новой волне» с самого ее зарождения, но играли незначительную роль. Первым повезло Гэри Ньюмену: в июне 1979 года он занял первое место в английском хит-параде (с песней под названием «Есть ли в друзьях электричество?»). 1981-й стал решающим: огромный успех альбомов групп «Ультравокс» и «Лига людей» означал, что синтезатор стал для «новой волны» не менее важным инструментом, чем гитара. Часть групп («Софт селл», «Небо 17») вообще обходится одной электроникой; «Ультравокс», «Джапан», «Простые умы», «Оркестровые маневры в темноте» используют и акустические инструменты. Электро-поп — это современная танцевальная музыка с четкой ритмической структурой, приятными мелодиями. Прототипом, причем, как некоторые считают, до сих пор непревзойденным, всего направления послужило творчество западногерманской группы «Крафтwerk».

Существует еще так называемый стиль «блиц»⁵, но, строго говоря, мы вновь имеем дело с возрождением старой моды. Так же как в свое время Марк Болан или Элис Купер, «блиц-ребята» стремятся поразить невиданным гримом и фантастическими костюмами. Стиль, форма у них приобретают самодовлеющее значение, и соответственно музыка явно пасует. Это течение в отличие от других стилей «новой волны» сразу получило поддержку у крупных грамофонных концернов. К примеру, у Си-би-эс — «Адам и муравьи», у «По-

¹ Более подробно о группе «Нэк» мы рассказывали в № 7 «Ровесника» за этот год. — Здесь и далее примеч. ред.

² О группе «Ху» мы писали в № 9 за 1978 год.
³ О группе «Джэм» и ее участии в антивоенном движении «Ровесник» писал в № 4 за 1982 год.

⁴ О «Ю Би 40» мы рассказывали в № 6 за 1982 год.

⁵ Об этом направлении «Ровесник» писал в № 7 за 1982 год.

лидора» — «Визаж». Мас-сированная реклама сделала свое дело: «Адам и муравьи» сейчас главная коммерческая сила в английской поп-музыке. И все же их пустоватое позерство уже приелось и вызывает скорее ироничное отношение. Как написал об этом стиле журнал «Роллинг стоун»: «Приоделись, а идти некуда...»

Новый фанк или панк-джаз — последнее пока (по времени) из течений «новой волны». Несколько лет назад часть молодых джазовых авангардистов Нью-Йорка обратилась к корням своей музыки: мощному ритму африканского танца и карнавальной стихии новоорлеанских дисклендов. Этот панк-джаз групп «Комторшнз», «Материал», «Дефанкт» по общему настроению близок к неистовому Джеймсу Брауну, крупнейшему и наиболее бескомпромиссному мастеру музыки «соул». В последний год ощутимым стало влияние нового фанка и в Англии. Характерно, что музыканты панк-джаза начисто отвергают джаз-рок и фьюжн, столь популярные в прошлом десятилетии, утверждая, что это музыка надуманная, претенциозная, слишком «гладкая», в конечном счете коммерческая. Впрочем, это стандартные упреки сторонников «новой волны» в адрес волны «старой», но доля истины в них, несомненно, есть.

Многое в роке «новой волны», как и вообще в поп-музыке, «навеяно» конъюнктурой. Хавают и рекламных «мыльных пузырей», и подражателей. Конечно, есть артисты и по-настоящему талантливые, и их творчество выходит за рамки модных течений. Итак, коротко о лидерах «новой волны». «Клэш»⁶ были одной из

первых английских панк-групп, однако в отличие от всеотрицания, например «Секс pistols», их протест был более социальным и политически осмыслен, обвинения всегда конкретны и безысходности противопоставлен призыв к активным действиям. Второй альбом «Дайте им побольше веревки» показал, что авторы песен «Клэш» — Джо Страммер, Мик Джонс и Пол Симонон — не ограничиваются кругом обыденных городских проблем, их волнуют и расовое неравенство, и международная политика. И хотя временами тексты песен «Клэш» кажутся наивными, но их искренность всегда подкупает. Музыкальные приемы группы традиционны, но на удивление разнообразны: реггей, панк, ска, рок-н-ролл, свинг, салса (кубинская танцевальная музыка), кантри, фолк...

Нью-йоркские «Токин хэдз» тоже начинали в 1976 году. Уже первый альбом («77») отличался уникальным звучанием, очень специфичной манерой пения (Дэвид Берн) и игры на гитаре (Берн и Джерри Харрисон). Необычность звуковой атмосферы подчеркивают и странные электронные эффекты, используемые крайне скромно, но всегда неожиданно. В последнее время «Токин хэдз» создают композиции в духе ритуальной африканской музыки. Поэтическое кредо Дэвида Берна, наверное, можно было бы выразить так: «О повседневном — необычно». Типичные бытовые явления приобретают в его стихах фантазматический искаженную, гротескную, часто зловещую форму.

Элвис Костелло стилистически столь же многолик, как «Клэш», правда, песни его куда мягче. Костелло создал на сцене образ «лирического ге-

роя», весьма нетипичного для рока. Щуплый, с беззащитным полудетским лицом, в старомодных (впрочем, с его легкой руки они вошли в моду) очках и мешковатом костюме — «деромантизированный» и мгновенно узнаваемый тип робкого неудачника, предмета насмешек сверстников. Первые два альбома («Мои намерения честны» и «Модель этого года») были чисто «чаплинскими» — растерянность молодого «маленького человека» перед буржуазным миром. Несмотря на феноменальный успех, у Элвиса Костелло хватило смелости расстаться со ставшей столь популярной маской. Альбомы «Вооруженные силы», «Будьте счастливы!», «Трест» — социальная сатира, тем более острая и доходчивая, что дана она не в плакатной форме (как это иногда бывает у «Клэш» или Тома Робинсона), а через переживание «от первого лица».

Главный парадокс «новой волны» в том, что, несмотря на большой интерес студентов и левонастроенных критиков, массовой популярностью она не пользуется нигде, кроме Великобритании. Поэтому «новая волна» почти не породила колоссов, стоящих на миллионных тиражах. Под эту категорию подходят лишь две группы «новой волны».

Нью-йоркский квинтет «Блонди» сначала играл легкий шуточный рок-н-ролл, а солистка Дебби Харри представляла, и довольно талантливо, кичевый вариант кинокасавицы 50-х годов. В 1978 году контракт с «Кризалисом», успех альбома «Пластмассовые письма» и песни «Дениз» изменили курс «Блонди». От «новой волны» остались только внешний об-

лик группы и тексты песен; музыка же сделала сильный крен в сторону традиционной эстрады. Композитору-гитаристу Крису Стейну нередко удавались хорошие мелодии, а аранжировщики и продюсер доводили запись до блеска. Альбомы группы скучноваты и довольно неровны, но вышедшая в прошлом году сборная пластинка «лучших вещей» по-своему очень сильна и может служить эталоном современной коммерческой эстрадной музыки.

Звезда «Полис»⁷ возшла довольно поздно — в 1979 году. Песни «Полис» что-то среднее между реггей и пауэр-поп; они не обладают столь явной «товарной» привлекательностью, как продукция «Блонди», и мелодически, как правило, заурядны. Главный козырь «Полис» — блестящая игра всех трех музыкантов (начавших свою карьеру еще до наступления «волны»), своеобразный вокал и в целом очень «свое» звучание. К этому можно добавить живописность группы (три похожих друг на друга мужественных блондина!) и истинно титаническую гастрольную деятельность.

Но все же масштабы «новой волны» относительно скромны. Она не породила всевозможных «маний» (на манер «битломании», «травольтомании» и т. п.), и вызвано это тем, что «новая волна» — некоммерческое в целом ответвление рока. Поэтому какими бы сильными и интересными ни были некоторые представители «новой волны», на буржуазной сцене им трудно конкурировать и с развлекательностью диско, и с привычной комфортабельностью «нормального» рока.

⁷ О «Полис» мы писали в № 4 за 1982 год.

⁶ Мы писали о них в № 4 за 1978 год и в № 3 за 1982 год.

В сентябре 1982 года Коммунистическая молодежь Чили отмечает 50-летие со дня создания своей организации. После фашистского переворота 1973 года тысячи молодых коммунистов Чили были убиты, брошены в тюрьмы, подверглись пыткам и преследованиям. Многие были вынуждены покинуть родину. Но чилийские комсомольцы не сдаются, они продолжают борьбу. На этой странице мы печатаем стихи непрофессиональных поэтов, авторы этих стихов в подполье и в эмиграции продолжают борьбу за спасение и возрождение родины, и это делает понятным, почему мы не можем назвать их имен.

НИКОГДА

Не сдавайся никогда,
Гордо песню пой свою,
Песню надежды, любви и веры,
Песню победы.

Белый флаг не поднимай,
Кулаки сожми и зубы, чтоб прийти туда,
Где снега нет
И где он не тает никогда.

Иди туда, помоги своим оружием
В борьбе тому народу,
Что, не колеблясь,
Готов отдать жизнь за свободу.
Ведь эта земля твоя,
Медь твоя и твои горы,
Пустыня, море и шахты.
И девушка стройная, что идет.
С сердцем, трепещущим, как струны гитары.

Борись и не забывай,
Что трус умирает тысячу раз,
А храбрый только однажды.
Надежда вечно жива,
А память не исчезает.

ЧИЛИ

Сегодня здесь печаль и мрак.
Безмолвие. Земля кровава,
В ней лежат истерзанные пытками товарищи.
Слышны тяжелые шаги железных сапог
На улицах Сантьяго

(и других городов...),

Чей-то бег, выстрел. Затем молчание
И только бессловесный шепот

(и это Чили).

Женский плач и пустые руки мужчин.
Невинный взгляд ребенка.
Доносы провокаторов,
Пронзающих болью сердце моей земли.
Но есть здесь и другие:

их тысячи. Я их имен не назову.

Но сжаты поднятые кулаки.
Улыбками надежды и слезами радости
Встречают они белую голубку.

Смотрите — вон она!
И пусть сегодня ночь — а завтра уж весна.
МЫ ПОБЕДИМ!

Стихи в переводе
В. ЮРИСТА